

ОКСАНА ЛЕСЛИ

АМЕРИКА-МАТЬ ЗОВЕТ?

ЖЕНА ДЛЯ
НАРЦИССА

16+

Оксана Лесли
Америка-мать зовёт?

«Автор»

2013

Лесли О.

Америка-мать зовёт? / О. Лесли — «Автор», 2013

После развала СССР, учительница мечтает о жизни «не как у всех». «Заказ принят!» — соглашается её Ангел-Хранитель, и она получает мужа-американца-нарцисса, страдающего гепатитом С и маниакально-депрессивным психозом, а также букет прилегающих приключений. Колхозный вор уговаривает следователя закрыть дело и уехать в США на заработки. «Америка-мать зовёт? Жена для нарцисса» — это роман о выживании в иммиграции, токсичных отношениях, русских и американцах, Америка изнутри, с 1997 по 2010 год. Темы «нелегальная империя», «замужем за иностранцем», «работа в США», «жертвенность жены ради больного мужа», сочетаются с темой Ангела-Хранителя, который в ответ на неблагодарность и негативизм своего подопечного человека может просто «умыть руки». «Америка-мать зовёт?» это психологический иронический триллер с элементами мистики и без диалогов, основанный на реальных событиях.

© Лесли О., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	8
Глава третья	10
Глава четвертая	12
Глава пятая	16
Глава шестая	17
Глава седьмая	18
Глава восьмая	20
Глава девятая	25
Глава десятая	28
Глава одиннадцатая	30
Глава двенадцатая	33
Глава тринадцатая	35
Глава четырнадцатая	37
Глава пятнадцатая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Оксана Лесли

Америка-мать зовёт?

– А где я могу найти кого-нибудь нормального?

– Нигде, – ответил Кот, – нормальных не бывает. Ведь все такие разные и непохожие. И это, по-моему, нормально.

Льюис Кэрролл, «Алиса в стране Чудес»

Чтобы спасти тонущего, недостаточно протянуть руку – надо, чтобы он в ответ подал свою.

Виктор Пелевин, «Чапаев и Пустота»

Единственный человек, с которым вы должны сравнивать себя, это вы в прошлом. И единственный человек, лучше которого вы должны быть, это тот, кто вы есть сейчас.

Зигмунд Фрейд

Правда ли то, что у каждого человека есть свой ангел-хранитель? В любом случае – решать вам. Вы сами создаете свою реальность. Пока вы верите в ангела, он существует как энергетическая сущность, и если вы убеждены, что он заботится о вас, так оно и будет.

Вадим Зеланд, «Практическое руководство по трансерфингу»

Пролог

У вас есть идея фикс, мечта? Все о чем-то мечтают с детства: получить образование, овладеть профессией по душе или захомутать иностранца-олигарха-принца-звезду. Для кого-то идея фикс – попасть в книгу рекордов Гиннеса, проглотив невероятное количество живых скорпионов или, на худой конец, хот-догов. Для одних счастье – просто быть любимым, иметь дом и детей. Для других – быть независимым во всех смыслах этого слова. Им не хочется связывать себя памперсами и мужскими носками, они спасают мир или спасают себя.

Большинство людей ценят каравай, который им нарезала и подала жизнь.

Некоторые бегут на край света ради иллюзорной мечты.

Герои этого романа – именно такие максималисты, в чем-то наивные, но реальные люди, и в книге рассказано об их реальных приключениях и злоключениях, взлетах и падениях в Америке, этой стране молочных рек и кисельных берегов.

Действия романа разворачиваются в период с 1997 по 2010 год. Названия многих городов и имена изменены.

Жизнь главных героев романа в США напоминает аттракцион «американские горки». Они испытывают и радость, и страх, и разочарование, и даже тошноту, осваивая эту страну в разных штатах, на разных виражах. Итак, пристегните ремни.

Глава первая

Роб

1997, США, Атланта

Роб, сорокалетний американец-программист, знал свои особенности в лицо. Он состоял на учете у психиатра и инфекциониста. Психиатр посоветовал пить антидепрессанты день и ночь, размышлялся! Инфекционист порекомендовал не употреблять спиртное, жареное, жирное...

Роб не сомневался, что у врачей заговор с фармацевтическими компаниями против простых людей. Им лишь бы напридумывать диагнозы, чтобы потом деньги выкачивать на лекарства... Как будто на самом деле можно навсегда отказаться от бифштекса с кровью, мороженого, пиццы, чипсов и шоколада!

Ощущая себя смертником, как предсказал инфекционист, Роб мечтал об одном – передать свои гены в будущее. Но как это сделать, если любопытные американские бабенки, потенциальные невесты, всё готовы про тебя разнюхать! Полицейские сайты облазят, лишь бы компромат найти, если он там есть. А он на Роба был!

Затянувшись ментоловой сигаретой, попивая колу с ромом, Роб размышлял, какая жена может стать для него лотерейным билетом. Супруга ему очень нужна: адекватная, здоровая и красивая мать *его* будущих детей! Роб не верил в загробную жизнь, и ему не хотелось умереть, не оставив после себя минимум троих. Он жалел, что не решил эту жизненно важную задачу раньше, в молодости. А молодость незаметно как-то убежала, сверкая то ли пятками, то ли шинами автомобиля...

Все эти искусственные оплодотворения слишком дорого стоят – Роб не имел в наличии лишних тридцати тысяч долларов, чтобы заплатить самой дешевой суррогатной матери. Жена нужна такая, чтобы не лезла в его прошлое копать, чтобы не задавала ненужных вопросов, а некоторые вещи не понимала бы вообще! Так где же такую дурочку найти? Да нет, дурочка ему не нужна. Хочется красавицу, молоденькую, чтобы было весело и в постели не скучно, и перед друзьями не стыдно... Хотелось прослыть экстремалом...

Молить Бога о помощи он не собирался. Роб считал, что Богу некогда на индивидуальные заказы миллионов людей откликаться, он же не официант в ресторане «Жизнь». Бог – это программист-игрок, который создал Вселенную – компьютер и разные компьютерные игры к нему, и играет. И ему на самом деле до фонаря, построили люди храмы, надели крестик на шею, окрестили своего ребенка, читают на ночь Библию или Упанишады или нет.

Помешивая пальцем лед в стакане, Роб играл с идеей о наследниках и идеальной жене, как искусный повар подбрасывает в воздух тесто для пиццы.

Роб отпил рома с колой и разгрыз зубами кусочек льда. Холод мгновенно сковал гортань и добрался до возбужденного мозга, сжав его болезненной колючей проволокой. Несколько глубоких вдохов и выдохов – и откровение брякнуло его в лоб, запульсировав болезненно там, где, по утверждениям йогов, должен быть третий глаз.

Эврика! Нужен языковой барьер. Жена-иностранка, как у друга Дэвида! Полулысый, очкастый, низкорослый Дэвид привез себе длинноногую блондинку из какой-то страны бывшего Советского Союза. Название этой страны еле выговоришь. Жена моложе его лет на двадцать. А чем Роб хуже? Он будет лучше многих во всех отношениях.

И как он раньше не догадался! Надо жену Дэвида попросить, пусть фотки подруг покажет, может, стоит кому и написать? Нельзя медлить. Часы времени тикали. И не в его пользу.

Глава вторая

Марина

1996, Узбекистан, Ташкент

Узбекистан! Хлопково-бахчевой, гранатно-инжирный, яблочно-грушевый, плово-шашлычный край! Горнолыжные курорты и ледники, облизываемые солнцем как ванильное мороженое. И, конечно, пустыни, которые занимают семьдесят процентов площади республики. Ташкент, столица и мегаполис, город театров, дворцов и базаров. Родина Марины.

Марина, как все, окончила школу, как все, плясала на выпускном, училась на филологическом факультете Ташкентского университета с 1990 по 1996 год и устроилась на обычную работу в обыкновенной школе учителем русского языка и литературы, подрабатывая написанием курсовых и дипломных работ на заказ.

Как учителю в среднеобразовательной школе ей платили в месяц всего двадцать долларов. И частенько три работающего человека в системе загнивающего социализма – она, мама и папа – спорили, чья очередь купить шампунь или туалетную бумагу. Разумеется, ей хотелось вырваться из этой вечной нехватки денег. Из родительского гнезда – тоже. Но она была не в состоянии достаточно зарабатывать и самостоятельно снимать квартиру, хотя ей и в голову это не приходило. Марина не умела ни откладывать деньги, ни оплачивать счета, ни вести бюджет.

В свои двадцать два года Марина считала себя незаурядной девушкой. И судьба русской учительницы ее мало устраивала. В Средней Азии ранние браки всегда были нормой, а Марина чувствовала себя старой девой. Почти все патриархальные подруги вышли замуж, обзавелись детьми и при встрече не стеснялись залепить ей пощечину-вопросик: «Когда же ты замуж выйдешь?»

Марина давно сказала себе, что ее призвание в жизни – быть журналистом, писателем. Поэтому и замужество должно было быть у нее неординарным. Чтобы потом написать об этом! Зачем ей русский или любой другой житель стран СНГ, когда «выйти замуж за американца» стало модно? Не от мира сего? То же самое, что улететь на другую планету?

* * *

Марина разослала свои фотографии в иностранные журналы знакомств, но безрезультатно. Ожидаемая лавина писем почему-то не встряхнула ее мирок. Марина попросила подругу в Америке посодействовать, а сама стала ходить к экстрасенсу.

Экстрасенс объяснила Марине, что для того, чтобы открыть дорогу в другую страну, нужно работать с сознанием и пространством. Работа над сознанием заключалась в чтении книг об Америке. Экстрасенс предупредила, что могут пройти годы, прежде чем она уедет в страну мечты. Но нельзя сдаваться. И Марина начала читать все подряд. «Унесенные ветром», «Анжелика в Новом Свете», «Последний из могикан», «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» и «Приключения мессии, который мессией быть не хотел» Ричарда Баха, книги о здоровье и самовнушениях-аффирмациях Луизы Хей и, конечно же, ставшие популярными романы Карлоса Кастанеды о шаманах. Ей о-очень понравилась идея, что шаманы имели невидимых союзников и те помогали им в разных магических делах.

Работать с пространством нужно было определенным образом. Например, ходить в церковь. Раздавать подаяние *всем* нищим, стоящим около собора. Для этого Марина покупала горячие свежие булочки, штук пятнадцать-двадцать, раздавала всем, просящим подаяние около церкви, и впитывала своей аурой-душой все восклицания-пожелания: «Помоги тебе Бог!», «Дай Бог тебе здоровья!», «Спасибо тебе, красавица! Благослови тебя Бог!»

* * *

В один прекрасный солнечный день, девушка, вооружившись ведерком, тряпкой и бабушкой своей, потелепалась на трамвайчике на Боткинское кладбище. У входа, недалеко от памятника футбольной команде «Пахтакор», разбившейся в 1979 году, набрала воды и уверенно зашагала за гидом – бабушкой – к захоронению видных служителей Ташкентско-Среднеазиатской епархии. Бабулька стояла в тени деревьев и кусала выбившиеся из-под платка единичные волосинки. Она с любовью смотрела на занятие взрослой внучки, отмывающей могильные плиты священнослужителей от птичьего помета и глины, и мудро удерживала свое мнение при себе, полагая, что выйти замуж за рубеж – это «мечты Наполеона».

* * *

После совершенного ритуала они посетили храм Александра Невского, раздавая у входа булочки, поставили свечи за упокой души усопших родственников. Марина ставила свечи за упокой архимандритов и митрополитов, чьи могилы и памятники отмыла от птичьего помета и глины, и мысленно просила открыть ей дорогу в страну Шварценеггера, Диснейленда и, конечно, Фредди Крюгера. Особенно, про Фредди. Ой, как нравились ей американские фильмы ужасов, просто ужас какой-то.

Еще экстрасенс посоветовала наладить контакт со своим Ангелом-Хранителем. Объяснила Марине, что нужно с ним разговаривать, благодарить, когда дела идут гладко, а не себе приписывать достижения по жизни, а ему, невидимому своему союзнику. Девушка стала разговаривать вслух с невидимым Ангелом-Хранителем и просить его помочь в реализации своей идеи фикс – «замуж за рубеж» и «жизнь не как у всех».

Глава третья

Антон

1997 год, Россия

В камере предварительного заключения было холодно и неудобно. Деревенскому мужику Антону шили дело о разворовывании колхозного имущества. Шесть лет тюремного заключения – это вам не роды у животных принимать. Бывало, не может разродиться корова, нужно руку по плечо вместе с веревкой в нее засунуть, нащупать головку теленка, развернуть плод, веревкой ножки обмотать и тащить...

А кто будет кормить шестерых детей-подростков, если он сядет? Ну, угнал грузовик с зерном, ну и что? Он и лошадей табунами угонял и татарам знакомым продавал. И лес колхозный валил и продавал председателю колхоза, у которого не было леса! Он же не один такой, кто помог колхозу-миллионеру развалиться в послеперестроечные годы. Председатель с зоотехником и их подручные сколько себе нахапали? Приватизировав колхозное добро, особняки не построили, а воздвигли, машины не купили, а выцарапали из глотки агонизирующего социализма! По ним давно тюрьма плачет кровавыми слезами! А кто он? Так, мелкая сошка, которая научилась выживать.

Антон сидел на бетонном выступе, заменяющем койку без матраса, рассматривал неровности бетонного пола и гармонично сочетающиеся с ним грязно-серые металлические раковину с унитазом, ежился от холода.

Тюремщики следственного изолятора не включали отопления зимой из принципа: покужишься с недельку-другую, заработаешь чахотку и не постучишься, а заскребешься в двери коготками отчаяния! Не просто пойдешь на сотрудничество со следствием, а поползешь на сотрудничество на карачках, на карачечках!

Двери, старые и грязные, открылись со скрежетом, и вошел долгожданный проверяющий, как «луч света в темном царстве!» Антон ему деньги давал на сигареты. Вот они, «Прима», и спички! Атрибуты свободы!

Проверяющий испытующе посмотрел на арестованного.

Антон – рыжий низкорослый мужичка с непримечательной внешностью, но бросающимся в глаза, вызывающим имиджем – проколотыми ушами с серьгами-кольцами, как в пиратских фильмах, и вытатуированным именем жены на левом предплечье. У подследственного были маленькие серо-голубые глаза, прячущиеся под грязно-рыжими бровями-домиками, такие хитрые-прехитрые. И это проверяющего бесило больше всего на свете. Он ехидно заметил Антону, что в камере «жарковато будет» и «дыму нужен выход», достал пистолет и разбил стекло в окошке. На его холеном лице вальяжно расселась самодовольная улыбка как у царя Всея Руси Петра Великого, когда тот понял, что прорубил окно в Европу.

Робкие снежинки стали залетать в камеру через решетку.

Нельзя признавать свою вину. Да разве он виновен? Государство поставило его в ситуацию, в которой честным путем невозможно прожить! Нельзя ему сдохнуть раньше времени! Что же такое придумать, чтобы следователь закрыл дело?

Следователь Василий Иванов – малый не дурак, но получает немного. Конец девяностых! Кто сейчас много получает, если не ворует? Друган его получает не хило, и то потому, что в Америку вырвался и дома там красит богатеньким и не очень богатеньким буратинкам.

О, Америка! Шоколадные водопады, ванны с шампанским, изумрудные мостовые и пальмы, плодоносящие долларами! Страна-сказка, страна-рай, молочные реки и кисельные берега!

Стоп! А если убедить Следака-Васька, что можно в Америке заработать, свои люди есть и помогут? Чем черт не шутит!

Глава четвертая

Марина и Роб

Марина с детства верила, что совершенно случайно попала в семью врача и музыканта, может, ее подбросили инопланетяне? Ощущение необыкновенности и избранности таскалось за ней невидимым хвостом. Хотя она, так же, как и все ее ровесники, помогала родителям по дому, бегала за хлебом и играла со своим единственным младшим братиком Александром, которого обожала.

Она помнила себя с пятилетнего возраста, когда всем игрушкам предпочитала плюшевых зайцев.

В начальных классах школы Марина больше всего любила сказку «Алиса в стране чудес». Виниловые музыкальные пластинки рассказывали и напевали истории о скучающей иностранке, которая в погоне за кроликом оказалась на другом конце земного шара. Песни из этого увлекательного путешествия Марина знала наизусть.

Когда одноклассницы увлекались мальчиками, прическами, сбегали с уроков, Марина много читала и писала статейки в местную детскую газету. Она прыгала от счастья, а у папы при виде своей фамилии в газете начинали блестеть глаза от гордости. Он произносил, растягивая слоги: «Я – ща-слив!» И эта его фраза весила для дочери больше, чем все «молодец», «круто» и подобные похвалы, вместе взятые.

С седьмого класса Марина увлекалась астрономией и уфологией, бегала по утрам и мечтала улететь с инопланетянами осваивать другие планеты. Но инопланетяне за ней не прилетали и даже на контакт не выходили. Наверное, побаивались.

Родители ее были почти что идеальными – она росла без мата, драк и пьянок. Мама и папа дали дочке музыкальное образование, уверенные в том, что это обеспечит ей в будущем «кусочек хлеба», и оплачивали ее кратковременные увлечения легкой атлетикой и танцами, а также подписку на журнал «Наука и религия».

Мама, роскошная брюнетка с серо-зелеными глазами, работала за рубли и копейки врачом в государственной социалистической больнице, а также занималась духовным развитием дочери, таская ее в консерваторию, театры и музеи. А папа зарабатывал.

Отец Марины обожал дочь, был заботливым, веселым, простым в общении человеком, больше хвалил, чем критиковал, имел несколько профессий: и фотограф, и музыкант, и сварщик, и плотник, и шофер. Как волшебник, он мог все: гвоздь забить, поесть приготовить и посуду помыть, капусту засолить, симфонию сыграть, закупки сделать. Вставал раньше всех, заваривал кофе жене, готовил завтрак детям. Папа приучал сына к спорту: водил его на карате, а по вечерам садился на велосипед, методично разрезая им микрорайон Юнусабад, а юный Алекс бежал за ним, ибо в жизни очень важно уметь не только драться, но и убегать от опасности.

Полезное ископаемое, а не человек! Внешности был не броской, но с отличительной лысиной, как у вождя пролетариата Владимира Ленина.

В 1997 году отца Марины прооперировали в онкологическом диспансере – нервы, нервишки, нервищи. Он тяжело переживал факт, что ему оттяпали три четверти желудка. Не было сил работать, а работать он любил. И не мог есть как раньше. То – нельзя, сё – нельзя, стал раздражительным, критичным, одним словом – больной человек. Марине хотелось вырваться из родительского гнезда, где она прожила почти четверть века, и не жить в ситуации, когда все вокруг пытаются угодить больному отцу. Своего местного бойфренда Тимура, тихого паренька-программиста с монголоидным лицом, она воспринимала только как секс-партнера. Подарки он ей не делал, в любви не объяснялся, планы на будущее не рисовал. Ее вообще никто

замуж не звал. Тимур кормил Марину шашлыками и удовлетворял в сауне. Правда, после этих удовлетворений у нее были синяки на бедрах из-за его костлявого телосложения, и в этом Марина видела некую физиологическую несовместимость. Кроме того, Тимур был татарин, а Марина видела себя только рядом с супругом европейской внешности. Да и родственники его, скорее всего, были бы против такого брака.

Русская пословица гласит: «Лучше синица в руке, чем журавль в небе!» Может, для кого-то это и так. Но Марине нужен был журавль – муж из другой страны. Тимур был для нее синицей в руке: он рядом, его не надо завоевывать!

А ей хотелось быть Завоевательницей. Ведь не каждой русской из какого-то Узбекистана посчастливится завоевать сердце заморского принца!

* * *

Если бы Марина была воздушным шариком, то непременно лопнула бы от счастья, когда получила долгожданный толстенный конверт от американца – подруга Галина посодествовала, заинтересовав Роба фотографиями учительницы из Узбекистана. Письмо из Америки!

Для Марины что «американец», что «принц», что «инопланетянин» звучали одинаково таинственно и внушительно. Это произошло в день ее рождения, ну чем не положительный знак?

Роб на фотографиях выглядел высоким, статным, широкоплечим и моложе своих лет. Стрижка бокс делала его похожим на военного.

Роб позировал, сидя за рулем красной машины с открытым верхом и на работе – около компьютера. Программист! Это – профессия. Марине ни в коем случае нельзя было подставить родственников и выйти замуж за какого-нибудь пастуха, слесаря, плотника, маляра (нужное подчеркнуть). Это было бы просто неправильно в ее понимании, она же не кассирша в магазине и не парикмахерша, в конце концов! Кастовые предрассудки надо уважать! Так что внешними данными и статусом Роб ей подходил!

Марину раздражали мужчины с татуировками, серьгами, хвостиками и длинными волосами вообще. Она обратила внимание на то, что Роб не относился к тем, кто слишком много денег тратит на свою внешность. Портрет американца был необычен тем, что правая сторона лица отличалась странным изгибом брови и наличием полуулыбки, которая отсутствовала на левой стороне лица. Разумеется, с этим-то портретом Марина сходила в гости к подруге – психологу Ларисе. Та поставила свой диагноз: «Этот – темная лошадка. Сложный характер. Из тех, кто привяжет к кровати и будет бить ремнем».

Марина, конечно, не придавала словам Ларисы вселенского значения, отметив в уме, что лошадок любого окраса можно заездить.

Они стали переписываться. Благо, английский Марина немного знала. Во всяком случае в школе ездила на олимпиады по английскому языку и в университете им никогда не брезговала. Он ей давался гораздо лучше, чем узбекский язык.

По содержанию писем Роб был идеально подходящей кандидатурой. Он вырос в большой семье, значит, не мог быть эгоистом. Отец – священник, значит, вера в Бога и мораль с этикой у него не хромали. Место жительства – Атланта, огромный город, столица штата Джорджия, развлечения, русские магазины, в общем, не стыдно будет писать письма подружкам «из Атланты». Это же не Урюпинск и не Турткуль какой-нибудь! Также Роб четко дал Марине знать, что детей он очень хочет, двоих-троих. То есть, ясное дело, не какой-нибудь эгоистичный козел-отшельник, которому по барабану материнские инстинкты, пока что спящие в ней. И самое удивительное, по телефону у него был сладкий, романтический, сексуальный голос. От этого голоса ее барабанные перепонки мурлыкали как довольные кошки. Она была готова слышать этот голос всю жизнь!

Марина отправила Робу свои фотографии. На одних она была натуральной шатенкой в очках, на других – крашеной нахимиченной блондинкой в линзах. Чтобы показать американцу все свои достоинства, она поехала в фотосалон, где переделалась в ультракороткое бирюзовое облегающее платье, с целью «охмурить иностранца». Она не относилась ни к костляво-аскетичным, ни к хрупко-низкорослым девушкам. Для карьеры супермодели она не была достаточно высокой, но «пушинкой», которую снесет дуновением ветра, ее тоже нельзя было назвать. Девушка носила четвертый американский размер, весила сто тридцать два фунта при росте пять футов и четыре инча. У нее были широкие бедра, стройная талия и третий размер груди. Родинка украшала ее левую щечку. Узбек-фотограф сделал несколько удачных снимков русской невесты и по ходу дела пригласил ее в местный аквапарк. Его приглашение она восприняла как пыль на зеркале и с наигранной благодарностью отклонила. Зачем ей разминиваться по мелочам, когда скоро она ступит на другой континент?

Роб, к удивлению и радости Марины, созрел быстро, стал просить о встрече в столице России. Митрополиты усопшие с Ангелом-Хранителем, должно быть, побеспокоились! Пространство начинало вибрировать и мурлыкать, как *ей* нужно, довольное проведенными ритуалами!

Американец выслал восемьсот баксов, чтобы она могла купить себе билет до Москвы и снять номер в гостинице. Для ее семьи это были огромные деньги.

Ну вот, мужчина, который не любит разбрасываться секундами! Уже это достойно уважения – решила девушка.

31 октября 1997 года. Марина прилетела на день раньше, и с розой в руке встречала Роба в аэропорту Шереметьево. По идее, встречать девушку с розой в руке должен кавалер, но Марина решила взять быка за рога, ведь она была все равно не как все. Поэтому к ней привычные правила этикета не применялись ни с правого, ни с левого бока.

У них было три дня, чтобы посмотреть друг на друга и измерить температуру отношений. Находчивая невеста, будучи холериком по натуре, все запланировала: музей палеонтологии, мавзолей, Большой театр, цирк, Кремль. Марина обнаружила, что вникать в американскую речь своего потенциального жениха ей не так легко, как казалось! Голова ее раскалывалась от новых слов. Но, к счастью, на Красной площади работали англоговорящие гиды, парочка наняла одного из них, и Марина отключила свои взвинченные дымящиеся извилины.

Девушка не верила своим ушкам, когда американец заговорил о женитьбе до всяких интимных отношений. Она ожидала, что он будет считать ее обязанной ему за поездку и оплаченные расходы и что постельные отношения будут само собой разумеющимися. Роб же так не считал, о чем сразу ей заявил своим томным красивым голосом: «Ты мне ничего не должна».

Ну, не святой ли? Такие не валяются на дороге! И такой мужчина еще не женат и не имеет детей! Ах уж эти глупенькие американские бабенки! Ничего-то они не понимают в жизни!

В Москве все три дня американский жених не пил и не курил, что было для Марины так же важно, как туристам в Париже сфотографоваться около Эйфелевой башни. Чувство юмора у Роба было неиссякаемым, и оба поняли, что скучно вместе им не будет. А еще он умел делать смешные рожицы и забавно-неуклюже танцевал.

Роб окончательно покорило сердце русской учительницы: в лифте гостиницы «Измайлово» вытащил из кармана куртки золотое колечко с бриллиантом в четверть карата и надел ей на палец. И подошло ведь! Ну чем не знак, что этот кусок мяса годится для ее вилки? Только вот в лифте, без коленапреклонения, свечей и шампанского, как она видела в американских фильмах...

Марина носила только серебро в те годы, и кольцо от Роба было первым золотым аксессуаром в ее жизни. Еще будучи подростком, она равнодушно относилась к фирменным тряпкам, украшениям, даже ногти до семнадцати лет грызла. Поэтому никогда не раскручивала

родителей на золотые цепочки и сережки. У Марины вообще уши были не проколоты. И она не заморачивалась подобно некоторым модницам, к какому наряду какие серьги надеть.

До Роба у Марины был сексуальный опыт, и она для себя сделала один вывод: ей не нравилось целоваться в губы. Мулявиться, обмениваться микробами, фу! Но когда ее поцеловал этот американец, ее брезгливое отношение к этому эротическому акту изменилось. Марина поняла, что хочет целоваться именно с этим заокеанским мужчиной, и больше ни с каким другим. Когда он ее обнял, по всему ее существу прошла неопишуемая согревающая вибрация, твердящая каждой клетке ее тела: «Он твой!»

Марина покидала Москву счастливой, полной надежд, гордой, что охмурила американца за три дня. Неужели это любовь? Она не сомневалась в том, что у нее появился незримый Ангел-Хранитель, или, как у Карлоса Кастанеды, «Союзник», и он поведет ее за руку по жизни, и все ее желания исполнятся. Обязательно.

«Обязательно!» – почти неслышно подтвердил невидимый Ангел-Хранитель, потирая руки в предвкушении перемен и развлечений.

Глава пятая

Антон: ложь во имя свободы

Антон отговаривали все: мать, сестры, жена. Они рисовали ему злое будущее, в котором его семья оказывалась на улице, а он попадал в заграничную тюрьму, где все вокруг «гр-гр-гр» на чужом языке. Но Антон жил по принципу: «Будет, как я сказал!» И женщины с их причитаниями ему не указ. Да заграничная тюрьма, если на то пойдет, чай, получше русской будет.

Следователь дело на Антона закрыл, устроил проверку в одном турагентстве, и вскоре паспорта и визы были на руках. Антону не пришлось ехать ни в какие американские посольства на интервью. Постарался Следак-Васек. Правда, Антон теперь был должен ему много-много денег, но он знал, что выкрутится. Он же уболтал следователя в Америку уехать, якобы там с распростертыми объятиями их дожидается свояк-друган!

Сваяк-друган в Америке действительно был, по имени Вадим. Жена его, оставшаяся в их деревне, придумывала разные причины, чтобы не дать Антону американский номер телефона мужа. Антон нечаянно застучал ее с любовником на заднем сиденье машины, и она боялась, как бы такой компромат не просочился за стены родной деревни в страну, где печатают доллары и платят долларами ее муженьку-маляру.

Самолет Москва – Нью-Йорк летел по расписанию. Новенькие красные заграничные паспорта со штампом «рожден в СССР» грели нагрудные карманы. Бизнес-визы в них были действительны шесть месяцев.

Спереди от Антона сидела девушка. Ему показалось, что она похожа на его мать в молодости, а мать сводила с ума всех мужчин деревни. Девушка уронила журнал, потянулась, подняла. Он разглядел маленькие аккуратненькие ручки и смекнул, что юная богиня явно не из доярок! Такими ручками только на рояле играть да мужчину в постели удовлетворять! Антон попытался познакомиться с юной незнакомкой, но она важно ответила, что летит в Америку выходить замуж за американца. Это прозвучало так пафосно, как будто она ехала Нобелевскую премию получать. Все ясно, из тех, из городских да образованных, с гниловатым запахом высокомерия. Антон отбросил идею познакомиться с теми, кому он не ровня. Кастовые предрассудки правят миром!

Мужчина вспоминал, как тщетно пытался уехать на заработки за рубеж раньше. Писал на разные нефтяные вышки, рвался в Германию. Но ему в голову не приходило, что дорога в обетованный рай лежала через следственный изолятор и жадность ведущих дело ментов.

Антон был должен и за билеты, и за визы, но он не сомневался, что раз обвел вокруг пальца Солнечный Магадан в лице служителей закона, то новая жизнь только начинается! Вперед, покорять Америку!

Глава шестая

Америка ждет!

Роб приехать в Ташкент не мог, так как сменил работу и не мог взять отпуск. Да его уже проинформировали, что если жениться в Узбекистане, то на оформление документов на заморскую жену уйдет два года. Вот и будет женатый без жены.

Марина не знала, что приехать в США будет нелегким и долгим бюрократическим бегом с препятствиями. Было известно, что по гостевой или туристической визе незамужнюю барышню, да еще и без гроша за пазухой, не выпустят. Надо было получить визу невесты.

Роб, со своей стороны, должен был побеспокоиться: доказать американским иммиграционным службам, что он и Марина встречались в Москве, он может содержать не только себя, но и иждивенку заграничную. Скрепя сердце, он представил налоговые документы о своих доходах, банковских счетах, зарплате иммиграционным службам на родине, а потом они были отправлены в Московское американское посольство.

Из столицы Российской Федерации Марине пришло приглашение с датой интервью, а также список документов, необходимых для получения визы невесты. Например, нужна была справка из милиции, подтверждающая, что невеста американца не сидела в тюрьмах и уголовное дело на нее не заводилось. Марина должна была иметь при себе доказательства переписки и встречи со своим американским женихом – распечатки электронных писем и фотографии. С этим проблем не было. Но надо было еще пройти американский медосмотр при иммиграционном центре за три дня до интервью.

Пять месяцев ушли у Марины на подготовку документов. Наконец 1 апреля 1998 года Марина пришла в школу, откуда уволилась несколько месяцев назад, и сообщила об отъезде к мужу-американцу. Многие посчитали это шуткой на день дурака, и серьезность факта до людей дошла позже. У нее же было ощущение крыльев за плечами, и казалось, что она утерла всем носы.

Свой отъезд Марина считала триумфом, победой, выигрышем в лотерее. В Ташкенте оставались незамужние подруги, строчащие письма иностранцам, корчащиеся в муках зависти к ней, Избранной. Или – не корчащиеся? Может, не Избранная? Во всяком случае сажать картошку, ездить в троллейбусах и трамваях, делать заготовки на зиму в своей Америке она не будет никогда! И жизнь у нее будет не как у всех.

«Не как у всех! Заказ принят...», – соглашался Ангел-Хранитель.

Глава седьмая

Встреча. Штат Джорджия

Родители и сестра отговаривали Роба жениться на девушке из страны атеизма и коммунизма. Но ему их религиозные догмы и привычка хвататься за Библию при всяком удобном случае докучали как камни в почках. Он не раз прокручивал в голове слайд из детства: мать вытащила его из песочницы, собираясь в церковь на службу, и на его просьбу не ходить никуда залепила пощечину. Святоша!

Роб ждал свою невесту и предвкушал начало новой жизни: молодое тело, прекрасное лицо, оригинальный акцент. Все эти другие акценты японцев, вьетнамцев, немцев в подметки не годились русскому произношению, которое на его слух действовало успокаивающе как чай с ромашкой и валерианой или запах масла чайного дерева, добавленного в горячую ванну.

Земля обетованная – Америка. Девушка увидела Роба в аэропорту первой и обняла сзади. Он сознавал, что обнимает она в его лице всю Америку.

Роб посадил ее не в красный кабриолет с открытым верхом, который она видела на фотографии, а в потрепанный грязно-синий «плимут» и объяснил, что до ее приезда его угораздило попасть в аварию. Красный скакун принца не подлежал ремонту.

Дорога из аэропорта в центр Атланты была словно прорубленной в густом сосновом лесу. Сам мегаполис утопал в зелени, окружающей здания. На съемной двухкомнатной квартире американского жениха было чисто, свечи вскружили ей голову своими ароматами, а новость, что вечером придут друзья Роба отмечать ее приезд, удивила. Парти! Почему он ее не спросил, хочет ли она в первый же день знакомиться с его друзьями? Марина ведь не спала во время своего многочасового перелета. Двое суток без сна были умопомрачительным испытанием. Но это не помешало ей обратить внимание на убогость обстановки. Следы мочи от животных на ковролине были прикрыты маленькими тонкими подстилками, которые Роб называл «ковриками». Шкаф для вещей отсутствовал. Роб хранил свои носки и белье в картонных коробках в стенной нише. И Марине тоже выделил картонную коробку для ее вещей. Разочарование, смешанное с брезгливостью, защекотало ее ноздри. Она чихнула. Ароматы свечей решили надругаться над ее русским обонянием. В родительской квартире Марины никогда не жгли свечи и благовония. Она вспомнила, как сравнивала Америку с другой планетой, на которую нужно было непременно попасть!

«Другая планета? Да пожалуйста! Воздухом чужим не отравись, детка!» – услышала Марина чей-то слабый ехидный голосок. Она мысленно приказала невидимке-Союзннику-Ангелу-Хранителю заткнуться, ибо его дело не мнение свое высказывать, а помогать ей и исполнять ее желания.

Марина сравнивала обстановку Роба со своим родительским домом в Ташкенте, где были шкафы с книгами и серванты с хрусталем, узбекские ковры на стенах и полах и сшитые мамой пастельные шторы на окнах. Во всем чувствовалась мамин вкус и домашний уют. А в холостяцкой квартире американца не было ни вкуса, ни уюта – ни занавесок, ни картин, ни книг на полках, ни хрусталя. Зато были коробки с компьютерными играми и старыми журналами по программированию. И странная коробка с надписью «Воспоминания» в шкафу, запечатанная, причем Роб просил никогда ее не открывать. Марина подумала, что вот, нашелся муж Синяя Борода, «дверь в потайную комнату не открывай, а то быть беде!» Нужно больно...

Русская невеста решила смыть с себя усталость перелета и невроз ожидания. Как на зло, она не могла сообразить, как включить душ, и ей пришлось звать Роба на помощь. Это было первое ощущение беспомощности в чужой стране, поселившееся в ее душе раз и надолго.

После душа, Роб преподнес ей подарок. Марина представила, что в коробочке с розовым бантиком она обнаружит какое-нибудь жемчужное или бриллиантовое ожерелье. Так героини популярного сериала «Санта-Барбара» поступали, она хорошо помнила! Дрожащими от предвкушения пальцами разворачивала подарок.

Но в коробке оказался миниатюрный игрушечный чайный набор. Таких она еще не видела. На вопрос в ее глазах Роб заметил, что, когда у них родится девочка, Марина будет играть с ней в чаепитие и этот кукольный чайный сервиз им пригодится. Поблагодарила наигранно, мол, спасибо, дорогой, как мило с твоей стороны! Задумалась, зачем ему это – заранее приданное покупать своему ребенку? И тихий голосок вежливо протелепатировал: «Может, ему экстрасенс посоветовала работать с пространством таким образом? Вы очень похожи».

Марина не стала спорить и продолжать беседу с Исполнителем своих желаний. Ей нужно было готовиться к вечеринке. Сшитое мамой эксклюзивное серо-серебристое с меховым воротничком из песка платье до колен подчеркивало ее фигуру и новый статус «русская невеста позиций не сдаст». Она накрутила бигуди, наложила тушь и румяна. Роб удивился и объяснил ей, что наряд театрально-свадебно-вечерний ни к чему, глупости ненужные и понты, и что все гости будут одеты просто. Марина не понимала, как это так: в гости быть одетым – «просто»? Марина же хотела быть звездой, если не Сириусом, то на худой конец Альдебараном или Вегой, и не подумала переодеваться.

И правда, все гости пришли в джинсах и удобных майках да свитерках, принесли с собой еду, пиво, мороженое и ели с бумажных тарелок пластмассовыми вилками. Марине это было дико. Она никогда не видела ни пластмассовой, ни бумажной посуды. Русская невеста не могла расслабиться, не понимала американские шутки, вцепилась в русскоязычную сваху – Галину – и мечтала поскорее избавиться от гостей.

Гала с мужем удалились рано, нарочито громко объявив остальным гостям, что уходят, потому что «Марине, уставшей с дороги, нужен отдых». Марине подумалось, что если бы круг собравшихся не был безманерно плебейским, то люди бы начали рассасываться после таких незавуалированных намеков. Но никто не сдвинулся с мест. Пили пиво, болтали. Другими Роба были молодые люди Маринино возраста и моложе, в которых чувство такта пребывало еще в зачаточной стадии. «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты», – Марина себе не задавала этот вопрос. Но поступок женишка ее раздражал.

Зачем устраивать посиделки и вечера человеку, который двое суток путешествовал?

«По-другому нельзя. Ты сформулировала заказ: чтобы было не как у всех. Всех встречают и оставляют в покое, это логично. В твою честь прием по-американски, разве ты не этого хотела?» – съязвил телепатически в ответ на ее мысли Исполнитель.

Около девяти вечера Марина закрылась в спальне, чуть не плача от усталости и обиды. Она не чувствовала себя центром внимания, душой общества, королевой красоты даже в своем вечернем платье! И писец не помог! Ей было одиноко и обидно.

Роб нашел невесту, сидящую на кровати в спальне, и они стали объясняться. Затем он вышел к своим друзьям и попросил их удалиться, извинившись за поведение своей русской герлфрендши. Гости наконец ушли, захватив с собой невыпитое пиво и остатки принесенного торта.

Американец не мог простить своей русской гостье, что она не оценила его друзей. Марина не могла понять, почему вечеринка была запланирована на день ее приезда, когда она была усталая, выжатая и никакезная... Девушке было обидно, что человек, который не пил в Москве, налил себе рома с колой после ухода гостей и демонстративно завалился спать на диване в гостиной. Так первый день для обоих начался с обиды и непонимания.

Глава восьмая

Марина: первые месяцы в Америке

Потянулись долгожданные американские будни. Роб уезжал на работу, а вечера просиживал в спальне у компьютера. Он играл в игры, курил, не утруждая себя тем, чтобы выйти и подымить на балкончике, как делали *все* ее знакомые русские курильщики из бывшего СССР. И это было не единственным недостатком, который раздражал Марину. Роб мог положить свои ноги в ковбойских сапогах на чистый кофейный столик или в куртке завалиться на незаправленную постель. Это плебейство просто выворачивало ее наизнанку. Никто из ее русских знакомых этого бы себе не позволил!

Иногда Марине казалось, что ее персональный Исполнитель-Союзник-Ангел-Хранитель ехидно хихикает, хлопая себя по невидимым бокам всякий раз, когда американец-мечта делал что-то не как все те, кого Марина знала!

Когда Марина с Робом собирались в магазин за продуктами, она накладывала макияж, завивала волосы, а Роб выходил из дома в рваных шортах, майке наизнанку и туфлях на босу ногу. Как бомж или алкаш совковых времен.

Марине было страшно из-за того, что человек, к которому она приехала, оказался не тем принцем, каким она его видела в Москве. Но развернуться и уехать обратно не было сил – она была готова привыкать к прокуренной квартире и разным другим мелочам. Она не верила, что жизнь в Узбекистане и России может наладиться, а уж понятие, что *с милым рай в шалаше* казалось устаревшим. Лучше с не очень милым, но не работать за копейки. Статус «жена американца» грел ее самолюбие, как некоторых женщин с более высокими запросами грел бы статус «жена министра» или «жена пластического хирурга».

Трудно было понять, как угодить этому сорокалетнему американцу, который почти всю жизнь был самостоятельным. Диета – фастфуд. Полное отсутствие тарелок дома. Только одноразовые. Поэтому керамическую посуду они купили вдвоем. Выбирал он. Марина не спорила, но какой нужно иметь вкус, чтобы купить белые тарелки с черной каемочкой? Чтобы сочетались с его черно-белыми полосатыми кухонными полотенцами и черной кофеваркой! Марина черный и коричневый цвета признавала только в двух вещах – шоколаде и брюках. Все остальное должно было быть цветным и радовать глаз! Но Роб считал иначе.

Марине было страшно: вдруг жених решит выслать ее обратно как посылку? Вот засмеют ее, наверное, на родине. Опять в школу устраиваться на работу? Для нее то, как она выглядит в глазах других людей, было важнее, чем ее собственное душевное равновесие. Ха! Можно подумать, если бы она вернулась обратно, то ее душевное состояние расправилось бы как павлиний хвост! Это было бы возвращением старухи к разбитому корыту. Она представила, что ей в лицо или за спиной скажут: «неудачница», «не смогла зацепиться в цивилизованной стране», «кому ты будешь нужна в свои двадцать пять?», «что ты вернулась сюда ловить?» Марина мысленно обижалась на приписанные другим людям слова и мысли. Там, в Узбекистане, нужно было учить узбекский, а он ей давался плохо. Другое дело – английский. Она была готова учиться всему, чтобы зацепиться в Америке и помогать по мере возможности своим близким.

Мечта Роба – найти женщину с языковым барьером в придачу, которая мало что понимает в жизни, осуществилась, но он не ожидал, что придется ее учить пользоваться всеми бытовыми приборами. Разве он знал, что в ее стране была другая техника? Или вообще отсутствовала? Марина никогда не видела посудомоечную машину, микроволновку, не умела пользоваться кофеваркой. Отношения в семье были не муж – жена, а учитель – ученик или родитель – ребенок.

Роб на работе имел возможность пойти на ланч в кафешку или ресторанчик, но завернутые русской невестой бутерброды по утрам брал с собой, чтобы потом выбросить. Чтобы Марина не подумала, что он такой богатый – каждый день наносить визиты разным общепитам.

Еще до отъезда мать Галины, которой довелось быть лично знакомой (шапочно) с Робом, уредила Марину в том, что он ей все купит в Америке, щедрый и богатый, и не нужно тащить личные вещи из Узбекистана в Атланту. Почему она решила, что он – щедрый и богатый? Потому что он пригласил в ресторан своего друга Дэвида, его русскую жену Галину и ее пожилую мать, заказал бутылку дорогого вина и оплатил счет. На самом деле Роб не был богатым. Он просто сделал широкий жест. Ведь к его другу приехала из Узбекистана русская теща! Просто у всех разные понятия о щедрости и богатстве.

Собираясь в Штаты, Марина положила в чемодан два одеяла из верблюжьей шерсти, аляповатые узбекские полотенца, хрустальные вазы, узбекский сервиз, ляганы, платья вечерние, которые только в театр да на свадьбы надевать. Ни ночнушки, ни тапочек или кроссовок она не взяла. Конечно, американец был разочарован. Мечтал найти жену не как у всех, и тратиться приходилось на нее тоже больше, чем он ожидал. Он знал, что предстоят траты на свадьбу и свадебное платье, а тут невесту еще, оказывается, надо одеть.

Работал Роб с восьми утра до пяти вечера, а в выходные хотел проводить время у компьютера со своими игрушками, а не таскаться с Мариной по магазинам. Наивная девочка заблуждалась, думая, что все сможет быстро себе купить. АМЕРИКАНСКОЕ! Она не предполагала, что почти все вещи, которые продаются в США, сделаны в Китае. В Америке, оказалось, размеры не такие, как в странах СНГ. Марина в магазинах не умела ориентироваться, не знала, как найти свой размер. Мужские размеры были одни, женские – другие. Вес измерялся в фунтах, а не в килограммах. Дюймы и футы вместо сантиметров и метров, галлоны вместо литров, Фаренгейт вместо Цельсия. Другая система измерений во всем, в голове – каша. Неужели она когда-нибудь разберется во всем этом?

Тем более в магазинах было такое изобилие, что ее тошнило от шопинга. Девушка была не готова к самостоятельной жизни. Четверть века ее одевала мама: шила или покупала дочке вещи по своему вкусу, так как Марина, в отличие от большинства представительниц прекрасного пола, была совершенно безразлична к одежде, обуви и моде.

Попав в Америку, она не могла определиться, в каких вещах ей будет удобно и что с чем лучше сочетать. Первое время она носила безразмерные майки Роба, которые болтались на ней как балахоны.

В глазах жениха Марина была вампиром: приехала ему на голову иждивенка без копейки денег и даже трусы с майками себе не привезла. И еще посылки думает родственникам отправлять. Робу казалось, что Марина все делает «через задницу», не спросив совета, не потрудившись перевести инструкции с английского на русский! Для чего он подарил ей электронный словарь? Ее самодеятельность и упрямство раздражали.

Роб запретил звонить в Ташкент чаще одного раза в неделю. Частенько, проводив Роба на работу, отключив телефон, она заваливалась спать, потом вставала, завтракала, ходила за почтой, купалась в бассейне и снова вырубалась. Как засоня-ленивец. Иногда она пыталась что-то приготовить, занималась гладкой простыней. Гладку нижнего белья и простыней Роб считал непростительным убийством времени. Ведь они сушили белье не на веревках, как в Узбекистане, а в сушильной машине! Горячий воздух и так убивал микробов. А потом простыни натягивались на матрасы. Зачем их отглаживать утюгом?

Мысли Марины скреблись в голове как мыши под полом: «Зачем я сюда приехала?» Ей было страшно начинать новую жизнь с незнакомцем, которого ее домохозяйничество раздражало...

Но были плюсы: еда! Марина любила поесть, и Роб открывал для нее королевство экзотики, о которой она раньше только слышала. Марина попробовала разные сорта пиццы, япон-

ские суши, ананасы, манго, креветки, крабов, жареных кальмаров, устриц, мидий, – в выходные частенько Роб возил ее в рестораны и кафешки.

Марину удивляло, что американцы едят сырые грибы в зеленых салатах. У русских принято грибы варить в супах и жарить, и русскому человеку не придет в голову есть грибы сырыми. Она не гнушалась пробовать новые для нее блюда и объедалась.

Конечно, своей родне она сообщала только о красивых сторонах своей новой американской жизни. Писала, как чудесно жить в Атланте, где высокие сосны подпирают небо как колонны греческих храмов, а смешные серые белки с облезлыми хвостами бесстрашно высккивают на дорогу, рискуя попасть под колеса. Цветов в апрельской Атланте было море, Марина впервые увидела, как цветут магнолии, кусты юкки и азалии-рододендрона. В Ташкентском ботаническом саду ее родного города тоже росли эти растения, но тогда они так не радовали ее!

Роб возил Марину в ботанический сад, где они делали красочные снимки, а потом посылали фотографии в Ташкент.

А какой чистый бассейн и чудесный бесплатный зал с тренажерами на территории квартирного комплекса, где они жили!..

Марина делилась в своих письмах к близким подробностями, как они посещали друзей Роба, рассказывала про их квартиры и дома... Писала о ресторанах и кафешках, что там ели и пили.

Роб с мастерством бармена готовил в своей кухоньке алкогольные коктейли и удивлял ими неизбалованную Марину. Всякие «Маргариты», «Пина Колады», «Кузнечики»...

Пока не истекла трехмесячная виза невесты, Роб стал планировать свадьбу: приглашения разослал заранее. Его мать, женщина организованная во всех отношениях, прислала адреса всей родни и друзей семьи, большинство которых жили в северных штатах и не приехали бы вовсе. Но из приличия надо было всех поставить в известность и позвать!

Приглашено было человек сто, прибыть обязались пятьдесят. Некоторые родственники посчитали затею Роба сумасбродством и решили не тратить деньги и время на поездки-бензин-отели ради его взбалмошного бракосочетания с малознакомой иностранкой, и просто прислали открытки. Более щедрые вежливо поздравили молодых открытками с вложенными чеками на двадцать пять – пятьдесят долларов.

Об американских свадьбах у Марины было представление ограниченное, почерпнутое из американского телесериала «Санта-Барбара». С компьютером она была на вы и шепотом и не могла нырять и выныривать в поисковых сетях, выясняя детали американских брачных традиций. Поэтому Роб все организационные вопросы разруливал сам. В салоне для невест фату, туфли и платье фасона «русалка» он купил в кредит за шестьсот долларов, а себе для свадебной церемонии взял напрокат за столик костюм-таксидо и обувь.

Заказ Роба в цветочном магазине был скромнее по американским меркам. Несколько цветков в петлицы родственникам жениха и лучшему другу, два букетика и две вазы для торжественной церемонии – несколько сотен отвалил. Марина не один день пребывала в шоке от американских цен.

Жених заказал трехэтажный торт с пластмассовыми миниатюрными женихом и невестой на вершине в обычном продуктовом супермаркете. В русском ресторане «Москва» они купили огромный салат «сельдь под шубой» для американских гостей, дабы расширить их кругозор, – идея Марины. Ей и в голову не приходило, что большинство американцев с брезгливостью отнесутся к вареной свекле и сырой соленой рыбе и даже побоятся пробовать непривычное на вид розовое блюдо. А остальную еду принесли друзья Роба, с кем он собирался открыть ресторан, начать свой бизнес: индейки «барбекю», салат с листьями латука, картофельное пюре с подливкой...

Да-да, ее программист собирался открыть ресторан и стать уважаемым владельцем собственного бизнеса! Марина лелеяла мысль, что скоро сможет обмолвиться подругам по переписке, что они с мужем владеют рестораном!

В помещении ресторана и решил Роб сыграть свадьбу, ведь он вложил определенную сумму в это заведение. Марина была счастлива, пока не увидела их частную собственность своими глазами. Это было старое здание, которое когда-то уже было рестораном, но нуждалось в капитальном ремонте, покупке холодильников, плит. В помещении не хватало лампочек. Туалетные были грязными и темными, совсем без окон, с кучей жирных зеленых и синих мух-мутантов. Марина не помнила, чтобы когда-либо видела таких крупных вездесущих разносчиков заразы.

Пришлось сначала купить лампочки, прежде чем жених с невестой смогли засучить рукава. Такая подготовка к собственной свадьбе Марину раздражала. Вот бы смеялись над ней ташкентские знакомые! Она, конечно, хотела жизнь не как у всех, но Санта-Барбарой в приготовлении к торжеству и не пахло. Пахло плесенью и пылью.

Несколько выходных они приводили это старое помещение в надлежащий вид. Хотя Марине казалось, что все их усилия по отдраиванию тусклых окон, старых, засиженных мухами зеркал, унитазов и использование пылесоса ничего не изменили. Место как было старой дырой, так и оставалось – но уже старой отдраенной дырой.

Поскольку Роб уже вложил несколько тысяч в заведение, пропитанное плесенью и пылью, он не мог платить за аренду другого места для свадьбы... И тем более нанимать команду профессиональных зеркалочисток и поломоек.

Ресторан стал местом венчания и празднования одновременно. Родители Роба подготовились к свадьбе старшего сына: привезли с собой из Пенсильвании необходимые церковные принадлежности и смогли оформить один зал ресторана как место для венчания. Прибывшие из других штатов братья купили безалкогольные напитки, несколько рулонов туалетной бумаги, мыло, мусорные ведра. Вроде мелочи, ерунда какая-то, но какой праздник обходится без туалетной бумаги?

Марина ехала в Америку, подкованная средствами массовой информации, убежденная и предупрежденная, что американцы не дружат. Конечно, у них не принято по-соседски заходить на чашку чая и просить что-то взаймы или вваливаться без звонка. Но в существовании американской дружбы и поддержки Марина убедилась, когда те самые друзья Роба, любители пивка, что познакомились с ней в ее первый атлантовский день, взяли где-то напрокат столы и стулья, скатерти, посуду, причем за все заплатили. Расставляли, украшали зал как могли, объявив свою помощь свадебным подарком! Марине не пришлось им помогать, так как Роб отправил ее в салон красоты, где ее «облизывали» за двести баксов. У Марины после салона было радостное ощущение, что она королева и Робу важно, как она выглядит и что чувствует.

Настал долгожданный день! Отец Роба, священник, их и повенчал, и Марину не волновало, что он не православный и не католик, а какой-то *объединенный методист*, лишь бы быть замужем за американцем.

Застолье, танцы, разрезание торта. В общем, как у всех. А в частности... Оказалось, что у американцев принято дарить подарки гостям на свадьбе, и Роб предложил закупить матрешек для всех своих родственников и друзей. Ему нравились эти традиционно-русские деревянные яйцевидные куколочки, вкладывающиеся одна в другую. Это был подарок «не как все», и приглашенные были приятно удивлены.

Когда разошлись родственники и другие гости, новоиспеченные муж и жена переоделись в майки и шорты и с помощью близких друзей Роба стали убирать: кто-то увез стулья и столы, кто-то грязную посуду сложил в ведра, чтоб сдать в таком виде. Собрали мусор. Марина собственноручно пылесосила, укладывала в машину подарки, вазы с цветами, остатки торта.

Поехали к себе на квартиру, а оттуда уже – провести ночь в дорогом отеле, – свадебный подарок для молодоженов.

Отель «Мариотт Маркитт» находился в центре Атланты. Огромное здание чуть ли не в пятьдесят этажей! Маринин туристический кругозор ограничивался поездками в некоторые города Узбекистана и СССР. Поэтому гостиница с бассейном в фойе и прозрачным лифтом взъерошила ее уставшие, не избалованные путешествиями, извилины. И огромная кровать, усыпанная лепестками роз, и шикарный вид из окна сорокового этажа, и бутылка шампанского, поданного в металлическом ведерке со льдом, перенесли новоиспеченную жену в тот самый благодатный мир из сериала «Санта-Барбара».

Марина смаковала каждый глоток, испытывая переполняющее ее головокружительное счастье, расправившее свой павлиний хвост. Цель, мечта, которую она лелеяла пару лет, достигнута – она в Америке! Обручальное кольцо из непривычного желтого золота поблескивало на безымянном пальце левой руки. У американцев даже кольца обручальные носят не так, как у русских! Марина ощущала победу, как упорный и сильный спортсмен, получивший медаль в чемпионате по бегу с препятствиями. Все происходящее было настолько неординарным, не таким, как у всех. Она была рада, ведь ей удалось сразу узнать, что ее муж, его родственники и друзья – очень трудолюбивые, скорые на помощь и поддержку люди!

Недельный отпуск, медовый месяц, Марина и Роб провели во Флориде, в городе Джексонвилл, купаясь в Атлантическом океане, наслаждаясь коктейлями и обедаясь морепродуктами. Марина забыла о своем Ангеле-Хранителе, у нее было достаточно впечатлений от мечты-Америки.

Глава девятая

Первый переезд

1998

У Марины появилось неприятное липкое чувство, что она, как бабочка, по чистой случайности застряла в ловушке для мух, которая предназначалась вовсе не для нее. И хотелось все время спать, а не вырваться куда-либо. Она одна ходила в тренажерный зал или бассейн, одна смотрела телевизор, одна пыталась что-то приготовить им на ужин. А чего она хотела? Чтобы ее развлекали день и ночь? Было трудно оттого, что первое время она не видела себе достойного и радостного применения. Слабый разговорный язык, неумение водить машину или работать делали жизнь скучной и однообразной.

Находясь в браке, можно чувствовать себя одиноким, как даосские капли-символы Инь и Ян. Белая капля не переходит в черную, хотя находится рядом. Они существуют вместе, дополняют или сменяют друг друга, как день и ночь, но никогда не растворяются и не сливаются. Именно так ощущала себя Марина в браке с американцем. Роб делал все, что от него зависело для их блага, учил ее постепенно американскому стилю жизни и независимости. Но он так любил компьютерные игры, что мог играть выходные напролет, прилипнув к стулу, без сна, пищи и прогулок, прокуривая квартиру, убивал инопланетян в виртуальном мире. В понедельник жалобным голосом мог попросить ее позвонить на работу и соврать, что он заболел. Марина, конечно, пыталась возражать, у нее были свои убеждения-понятия. Она верила, что врать о своем здоровье нельзя. А Роб считал, и высказывал ей свою точку зрения, что если он потеряет работу, то вина будет лежать на жене, которой лень соврать для единственного и неповторимого мужа, вытащившего ее из Узбекистана.

А в один прекрасный июньский день Роб вернулся с работы и признался жене: «Супервайзер выговор сделал, и кому, МНЕ, что я на рабочем месте в игры играю, представляешь? А меня они занять не могут, я всю работу их делаю быстрее, чем они новую мне придумывают. Видимость не могу создавать, как некоторые, понимаешь? Для такого профессионала, как я, нужно что-то более интригующее и вдохновляющее. Я перерос эту компанию! Мне старый знакомый предложил другую работу, так что мы переезжаем в Аризону!»

Марине идея переезда и смена обстановки показались чудесным приключением, которое вырвет ее, полусонную скучающую бабочку, из липучки-ловушки для мух! Она стала деятельной и веселой. Несколько дней молодожены паковали вещи. Роб взял напрокат закрытый грузовик, сам с парой друзей загрузил его коробками и мебелишкой. Марина убрала квартиру, сдала ключи в офис.

Пятнадцатого июля 1998 года они покинули зеленую и душную Атланту. Ехали вечер и ночь через Флориду, Алабаму. Заночевали в штате Луизиана. Проезжали штат и реку Миссисипи, Техас и Нью-Мексико, добирались в Аризону двое суток. Марину поражало, откуда у Роба вдруг столько фонтанирующей энергии: как будто за ним гнались, день и ночь маниакально, без сна, он вел грузовик, за которым, прицепленный, тащился их подержанный грязно-голубой «плимут».

В дороге муж поделился с женой новостями. Ресторанный бизнес, о котором он мечтал, провалился в небытие. Во всем виноваты были, конечно, друзья-совладельцы, которые прохлопали ушами и не сделали то, что от них требовалось. Предположение, что его просто кинули, не озвучивалось вслух.

Марине очень понравилось ехать в ночи по «хайвеям» – дорогам без светофоров. Это казалось романтичным, несмотря на разбитых вдребезги на лобовом стекле грузовика насе-

комых. На бензозаправках, припарковавшись, Роб оттирал специальными щетками их разноцветные внутренности.

В Аризону прибыли утром семнадцатого июля 1998 года, остановились в гостинице и освежились. Аризона напомнила Марине родину, Узбекистан, своей сухой жарой. Правда, вдоль дорог почти не было деревьев: ни дубов, ни тополей, ни кленов, ни акаций. Аризона встретила их чистыми дорогами с растущими вдоль них удивительными кактусами сагуаро высотой три-шесть метров, пальмами и олеандрами, густо цветущими, с белыми, розовыми и бордовыми гроздьями небольших цветов. Вместо зеленых лужаек обочины дорог, клумбы около магазинов и офисов украшала галька белого или красного цвета. Пустыня, одним словом.

Дело было в пятницу. Роб хотел успеть найти съемную квартиру, чтоб въехать в нее и разгрузиться в субботу, так как надо было сдать взятый напрокат грузовик по новому месту назначения, чтоб не насчитали дополнительные дни проката. Они объездили несколько квартирных комплексов. Если Роб замечал на балконах вещи на веревках, для него это был знак – бедный район. Он разворачивал машину и ехал дальше. Большое количество детей или темнокожего населения его тоже отталкивало. Такие места он со знанием дела презрительно называл «говнистой дырой». Себя он, разумеется, относил к более высокому классу людей, которым полагается жить в комплексах подороже и поприличней.

Маринин Союзник иногда успевал вставить свое мнение, не ожидая вопроса: «А муж твой такой же, как и ты. Считает себя *избранным* и высокомерен по отношению к другим людям. Вы очень подходите друг другу».

Наконец они нашли спальный район, окруженный забором из серых цементных блоков. В Атланте таких заборов Марина не видела. На территории комплекса были тренажерный зал и сауна, два бассейна, джакузи, гаражи. Роб попросил менеджера показать трехкомнатные квартиры: две спальни, два туалета, гостиная, столовая, кухня. Выбрали приглянувшуюся, заполнили бумаги, вернулись в гостиницу.

Марина поняла, что если бы она попыталась снять квартиру на свое имя, то потерпела бы крах. Во-первых, квартирные менеджеры проверяют кредитоспособность будущих жильцов. Звонят начальству, чтобы убедиться, что будущий жилец в состоянии платить ежемесячную таксу. Звонят по месту предыдущего места жительства, которое в анкете надо указать. И менеджер квартирного комплекса в Атланте по телефону давал свои рекомендации, касающиеся Роба и Марины: в каком состоянии квартира была оставлена, платил ли квартиросъемщик в срок, были ли проблемы с полицией. Потому что никому не нужны проблемные люди!

В субботу утром им позвонили: «Добро пожаловать!» Разгрузили всё с помощью одного желающего подработать парня, которого встретили на территории комплекса. Заплатили ему десять долларов в час, угостили пивом, и он пахал весь день в качестве грузчика вместе с Робом. На следующий день пустой грузовик Роб вернул фирме, у которой брал его в аренду.

Марина впервые в жизни распаковывала коробки, передвигала с мужем мебель, развешивала свадебные фотографии в рамках по стенам: так у американцев принято. Роб немного действовал ей на нервы своим навязчивым старанием всему научить. Марине было совсем неинтересно, как подсоединять телевизор к тюнеру или видеомагнитофону. Но Роб настоял, чтобы она смотрела и запоминала, как это делается. Ну разве женское это дело – со шнурами возиться? Другое дело – хрусталь помыть, плитусы протереть, суп сварить – пирог испечь... Ан нет. Драгоценный ее американец, чтобы убедиться, что она не просто тупо кивает и соглашается как кивающая игрушка для автомобиля, взял и рассоединил все шнуры телевизор-тюнер-видеомагнитофон. И попросил жену доказать ему, что урок, словно хотдог, проглочен и переварен! То же самое было с компьютером. Роб считал необходимым научить жену, какие шнуры относятся к монитору, какие – к колонкам, мышке и клавиатуре, а какие – к принтеру, как будто ей это было надо! У Марины на родине, дома, не было своего компьютера,

с Робом она переписывалась, посещая интернет-кафе при университете. Зачем ей знать про шнуры принтера и клавиатуры? Она принтером-то пользоваться не умела. У Марины мозги закипали от лишней информации. На ленивые возражения жены Роб воскликнул в сердцах: «Учись! Что ты будешь делать, когда я сдохну?» Эта фраза была самой отрезвляющей фразой на свете. И Марина решила не разочаровывать мужа тупостью и ленью, а внимать всему, чему он хотел ее научить. Может, действительно, пригодится? Марине нужно было поскорее избавляться от тараканов совкового времени и заселять новых, американских, тараканов в свое меняющееся сознание. Она же, в конце концов, приехала не «свой устав в чужой монастырь» навязывать, а «с волками жить, по-волчьи выть».

Поведение мужа все же казалось Марине очень странным. У нее от новой информации не только мигрень начиналась, но и волосы были готовы завиться как при химической завивке, а извилины – распрямиться.

Марина даже позволила себе мысленно покритиковать Ангела-Хранителя за такой странный подарок судьбы. На что тот парировал вполне четкими мыслеформами: «Он такой же экстремал, как и ты, ему надо, чтобы было “не как у всех”! Подумай: нужно быть экстремалом, чтобы жениться на малознакомой девушке с другой планеты, из бывшего стана идеологического врага!»

А в целом Марина была в восторге от Аризоны. Самое главное, ей стало легче дышать. В Атланте весной и летом она не любила выходить на улицу, так как из-за высокой влажности воздуха просто задыхалась.

В отличие от штата Джорджия, который они покинули и в котором встречалось много черных, в Аризоне было много мексиканцев. Роб высказал предположение, что половина из них когда-то нелегально перебежала границу. Мексиканцы были так похожи на узбеков, чьи азиатские лица ей казались родными, что Марине на сердце стало легко. Она во всем пыталась увидеть положительные для себя знаки, и этот был замечательным.

Роб почти все время работал дома, иногда ездил к боссу отчитываться. Марина с мужем могли в любое время пойти искупаться в бассейне, поехать в магазин, позаниматься на тренажерах. Вот он, медовый месяц! Не месяц, а год! Марина ощущала себя как на курорте, в экзотическом климате... Она чувствовала себя любимой, любящей и счастливой... почти всегда. Но не всегда! Она заблуждалась, думая, что, когда она станет домохозяйкой, муж-американец будет ее полностью содержать и выполнять все ее прихоти, да еще и помогать ташкентской родне. А Роб ей не только не давал денег на карманные расходы, но и постоянно напоминал, сколько баксов потратил на ее приезд и их скромную свадьбу.

Глава десятая

Разочарования Роба

Робу льстило, что у него молодая жена. Он сканировал взглядом прохожих в магазинах и ресторанах, подмечал, как на них, на Марину, обращали внимание. Ему было приятно сознавать, что он может себе позволить иметь жену-иностранку, жену-домохозяйку. Как дорогой автомобиль – это не всем по плечу. Он перестал мыть посуду, готовить, стирать, пылесосить, даже мыть машину. Золушка из Узбекистана добровольно взвалила на себя все домашние обязанности, даже выносила мусор, проверяла почту и чистила его пепельницу по несколько раз в день.

Роб научился подстраиваться под порядки жены: на постель в одежде не ложиться, в доме ходить босиком или в тапочках, снимая обувь у входа! Но ему пришлось поработать над новым имиджем своей второй половинки. Ах, этот яркий макияж! Он женился не на девушке легкого поведения! Регулярное компостирование мозгов на темы «в нашей стране только шлюхи ярко красятся» и «не люблю, когда у женщины на губах помада» сыграло свою роль! Скоро Марина пользовалась только тушью и карандашом для глаз, а иногда вообще выходила из дома без косметики. Для него это было что-то вроде очередной победы капитализма над русскими в холодной войне.

Роб не на шутку разозлился, когда жена заговорила о своем брате-старшекласснике. Ее единственный младший братик, Алекс, в 1998 году победил в олимпиаде по физике и математике, которую проводил в Ташкенте русский центр. Благодаря этой победе, ему пришло приглашение учиться в Новосибирске. Обучение и общежитие были бесплатными, брату нужно было лететь в Новосибирск в августе. У родителей Алекса не было денег на авиабилеты. Отец Марины боролся с онкологией, зарплаты русской тещи не хватало на билеты сына в Россию.

Роб не понимал, почему его просят помочь деньгами! Марине он снова напомнил, сколько потратил на ее приезд, а у нее хватило наглости заявить ему, что он «обгадил свой дворец щедрости»! Ну надо же было так выразиться! Скрепя сердце, он усадил свою заморскую принцессу за стол переговоров. Достал счета. Решил раскрыть все карты.

Оказалось, что сбережения у Роба были только пенсионные. И то тысячи две, не больше. Марина думала, что к сорока годам бездетный программист сколотил состояние, а он показывал ей, что еще не выплатил кредит – пятьсот долларов за ее свадебное платье. О том, на какую сумму его нагрели друзья с рестораном, владельцем которого он так и не стал, Роб не распространялся. Марине он объяснил всё: в месяц за квартиру восемьсот заплатить, плюс за свет, интернет, телефоны, страховку машины. Да, у них есть лишние деньги, но их надо откладывать, чтобы купить дом. И если Марина считает, что ее семья без их помощи не справится, он купит ей обратный билет, пусть возвращается в Узбекистан, устраивается на работу и помогает своему брату.

Роб блефовал. Вложив столько денег в заграничную жену, он не хотел чувствовать себя проигравшим и начинать поиски снова. Роб напомнил Марине, что поженились они в конце мая, а документы на ее гринкарту он еще не подавал. Почему? Переезд, смена работы, денег не было. Он же снова должен был доказать иммиграционным службам, что является спонсором своей жены. Для этого нужно было представить документы с нового места работы, распечатки банковских счетов, налоговые декларации за последние три года, из которых видно, что он работал и платил налоги, а не сидел на шее у государства, раскачивая ножками и получая пособие по безработице. Ее имя тоже должно быть на банковском счету как доказательство их брака! Но если для Марины на первом месте будет ее семья в Ташкенте, то им надо расстаться. А высылать даже сто долларов в месяц он не будет никому. Церкви пожертвовать – другое

дело. Ему, Робу, материально по жизни даже родители не помогали. Он мечтал о своем доме с бассейном, добротной мебели, детях, собаке породистой, щенков разводить, продавать. Кошек любил, рыбок в аквариуме хотел завести. Он женился на одной русской, а не на всей ее родне в придачу, не так ли?

И еще эта неприспособленность Марины к американской жизни! Роб не представлял, что с заморской женой отношения у них будут родитель – ребенок или ученик – учитель. Марину нужно было учить выписывать чеки, оплачивать счета, водить машину, заказывать пиццу, заполнять бак машины бензином, ориентироваться в супермаркетах, заполнять разные документы и анкеты... Ведь она привыкла общаться на русском, а английский ее был беден, и нужно было еще много терминов и понятий запомнить и научиться применять в жизни. В общем, все это отнимало много времени. Роб чувствовал себя гончаром, который лепит своими руками то ли вазу, то ли горшок, и от того, каким он слепит ее, будет зависеть его дальнейшая жизнь!

Мать Роба, христианка до мозга костей, подарила Марине Библию на русском языке со словами «Все ответы на твои вопросы в этой книге». Но Роб учил Марину несколько иначе: «Все ответы на вопросы живут в Интернете. Но иногда, прежде чем ты найдешь правильный, вполне вероятно, что поймешь вирус. Поэтому с Интернетом нужно вести себя так же, как и в жизни, – не бояться задавать вопросы и стараться не заразиться».

Глава одиннадцатая

Восторги Антона

Антон, хоть и презирал всех ментов, не мог не отдать должное следовательской хватке и прозорливости. Пусть в душе он называл его не иначе как Следак-Васек, уважение к человеку, который ради авантюры бросил карьеру и махнул за бугор, у него было.

Василий Иванов, устроив еще на родине разгон с препятствиями турагентству, угрожая прикрыть их заведение постоянными комиссиями и инспекторами из налоговой, получил не только визы для Антона и себя, дальновидного! Он выудил адреса и телефоны «своих» русских, у которых первое время можно было остановиться, устроиться на временную работу, пока вор-Антон не свяжется со своим свояком-друганом.

Итак, оказались они в городе Цинциннати, штата Огайо. Антон узнал, что некая русская дамочка Скопцова-Фишер «держит» несколько бизнесов и покрывает русских легалов и нелегалов. Бизнес-виза позволяла Антону, Василию и многим другим находиться в стране Молочных Рек и Кисельных Берегов, получить «личный номер», купить машину и даже открыть счет в банке. Скопцова-Фишер владела отелями и ресторанами фастфуд, а несколько своих домов она сдавала в аренду русским иммигрантам. Женщина раскусила американскую систему, ей выгоднее было платить наличкой под стол, чем оформлять легально людей, оплачивать их страховку и отстегивать деньги в карман государства в пенсионный фонд!

Антону и его приятелям выделили угол в доме, в котором жили еще восемь человек из стран СНГ. Он понял, что так дешевле выжить – вскладчину оплачивать аренду помещения и бытовые счета. Убогая обстановка со сломанными жалюзи, рванными матрасами, ржавыми раскладушками, шелушащимися потолками и дешевыми плакатами с полуголыми улыбающимися дразнилками на стенах. Ни компьютеров, ни русского телевидения, ни телефонов.

И хотя Антон никогда не читал книг типа «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей», у него это получалось автоматически, интуитивно, он мог найти язык с любым. Антон сразу познакомился с жильцами дома, проявил неподдельный интерес к их происхождению и ситуации, и новые соседи его даже накормили. Оказалось, Антон был среди них самым старшим. Ему было тридцать восемь, а все остальные русские иммигранты были пареньками лет двадцати. К нему даже обращаться стали ласково – «Батя».

Василий не стал расшаркиваться и играть в рубаху-парня с незнакомыми ему новыми соседями и отдался богу сна Морфею прямо на стареньком ковролине спальни, укрывшись своей курткой, – нужно было отдохнуть с дороги.

У бизнес-леди Скопцовой-Фишер в распоряжении были фургоны с водителями, которые развозили ее работников по местам: кого в магазин, кого в ресторан, кого в отель. Когда фургон приехал за людьми, Антон с радостью поехал на работу с новыми друзьями.

Первой работой оказался фастфуд ресторан, где делали гамбургеры. Антон никогда не работал на кухне, но ему показали один раз, как заворачивать бургеры, и он все понял. Сложнее было с английским языком. Но новый друг по дому, Игорь, как бы взял шефство над новеньким. Он написал на листке бумаги для Антона крупными буквами английские названия продуктов и их русский перевод. Так, Антон – человек, который в школе учил немецкий, стал делать первые шаги в освоении нового для него языка.

Определенные вещи не просто поражали, а сражали наповал. Американское общество конца девяностых пожирало продукцию их забегаловки в огромных количествах, и даже в десять, одиннадцать, двенадцать часов ночи голодные американцы-толстолобики делали заказы. Антон не понимал, для чего молодая женщина в два ночи могла притащиться в их

фастфуд с младенцем на руках, заказать бургер с жареной картошкой, колу и проглотить все это. Что у тебя, дома нет? Ночью надо спать, а не жрать, рыбонька моя толстозадая!

Когда печки для жарки мяса перегревались, включалась сигнализация, верещала и мигала, мол, выключите меня, дайте отдохнуть, сил нет вас, обжор двуногих, обслуживать!

Шли дни, недели, месяцы... Антону сперва нравилось работать в забегаловке. Было много плюсов. Во-первых, разрешено было бесплатно питаться и пить любые газированные напитки, кофе и чай, сколько влезет. Во-вторых, он воровал мясо из морозилки упаковками, тортики, резаные овощи – лук, огурцы, помидорчики. Его товарищи и водитель, у которых на такое не хватало наглости, не пытались сдать его хозяйке заведения ни с потрохами, ни без. Потому как Антон был не дурак и не жмот. Он из ворованных продуктов готовил еду на всех. Бывший колхозник-пастух-мясник не понимал, зачем человеку, который работает в столовке, питаться и тратить деньги на еду в другом общепите? Он что – не русский? Все равно продукты тоннами выбрасывались, это его бесило, как бесит матадор со своей тряпкой и уколами коротких острых пик быка на арене корриды! Уронит, допустим, сотрудник, булочку или кусочек мяса на кухонный пол – в мусорку! Сделают неверный заказ, положат майонез вместо горчицы или лук вместо помидорки, клиент возмутится и вернет сэндвич – в помойку, подайте посетителю новый. Клиент всегда прав! Булочка слегка порвалась? Пережарилось мясо? На свалку! Не свиньям, а так – в небытие! Обидно за Россию-матушку и за голодающих африканских, мексиканских, индийских и прочих детей! Антон хоть книг с газетами не читал, но политически считал себя подкованным: всегда смотрел на родине информативные передачи «Время», «Взгляд» и «Клуб кинопутешественников».

Антон спал всего четыре-пять часов в сутки, вкалывая в своем фастфуде и гостинице, пытаясь как можно быстрее отдать Следаку-Ваську три тысячи долларов и посылая деньги семье. Детей-подростков в возрасте от одиннадцати до восемнадцати лет надо было кормить да одевать. Василий Иванов, хоть и мент, был с честной рожей, и за горло Антона не брал, не требовал сиюсекундного возвращения долга. Это облегчало жизнь.

А работа по уборке гостиницы была тоже нормальной. Без крови и стресса. Ну, унитазы почистить, пропылесосить, постельное белье снять, полотенца повесить чистые определенным образом – Антон все смекнул и добросовестно выполнял. Никакой фантазии и ума не надо. Не сравнить с его махинациями в России. Связей на родине у Антона было побольше, чем у председателя колхоза. Антон находил покупателей, договаривался, сколько, допустим, колхозного мяса, они купят. Потом следил несколько дней, когда сторож делает обход, запоминал и строил планы. Благо, у него лошадь была своя. Приходил Антон к коровнику, открывал двери, привязывал двух коров по разные стороны своей телеги, и уводил из колхоза. В чистом поле он должен был их завалить, освежить, и в заранее приготовленных брезентах везти чистое мясо на встречу с покупателями. Получив рублики, он возвращался к месту разделывания, доставал из телеги лопату, рыл яму и закапывал следы преступления. Вот это физический труд, там надо было попотеть! Вором он себя не считал, скорее – русским находчивым Мюнхгаузеном.

Антону не нужно было высшее образование, чтобы понимать, что если этого не сделает он, то сделают председатель с зоотехником, отвезут скот на мясокомбинат, а деньги приватизируют. Антон понял, что в восьмидесятые годы в России-матушке началась новая эра под девизом «распихать по карманам светлое социалистическое будущее».

О своих колхозных похождениях он вспоминал с улыбкой, убирая американские отели. Находить чаевые ему очень нравилось. Однажды он убирал с Игорем не вакантный, а заселенный номер, куда гость должен был вернуться. Под кроватью лежала металлическая коробка, которую Антон не мог не открыть. Любопытство было сильнее его. В коробке лежали ароматные сухие стебельки с листочками, знакомые до боли. Антон половину отложил себе, в чистый пакетик для гостиничного льда, отмахиваясь от боязливого лепета Игоря.

«Кто кому пойдет жаловаться? Ты мозгами шевелить умеешь, в натуре, или в России оставил? Как ты себе эту картинку представляешь? Подходит гость к клерку в фойе отеля и с уверенно-победоносным раздраженьем в голосе заявляет, вот, мол, в вашем паскуднейшем заведении мою марихуану уполовинили! Верните мою наркоту, мать вашу, а то я на вас в суд ваш американский подам! Вызывайте полицию, будем разбираться!»

Травку курить Антон любил. Она его расслабляла, особенно если болели от многочасовой работы мышцы и суставы, или, что еще хуже, зубы и десны. А травка помогала убавлять боли, усыпить переживания за далеких близких, и все становилось ему по барабану!

Глава двенадцатая

Ложь в раю

Осенью 1998 года Марина наслаждалась аризонской погодой. Ни тебе слякоти, ни снега. Иногда шли ливневые дожди и ветер завывал как драная кошка. Но это – иногда... Было ощущение, что она живет в раю. Особенно когда они проезжали мимо великолепных цитрусовых плантаций. Марина в Ташкенте имела возможность есть цитрусовые только в зимний сезон, и дешевые апельсины и мандарины, доступные круглый год в супермаркетах Америки, для нее были как пища богов.

На балконе они повесили пластмассовые кормушки для колибри с красным сладким нектаром, любовались юркими экзотическими птичками. Роб посадил помидоры в кадках на их балкончике, и они радовались краскам, которые дарил жизнь.

Молодожены подружились с соседями. Домохозяйка Пэт стала учить готовить Марину кое-какие американские блюда. Пэт и Марина ходили вместе в бассейн и джакузи на территории квартирному комплексу, ездили на почту и в магазин, но самым главным было общение.

Роб много работал дома, но находил время для прогресса русской жены. Детей не было, и заводить их он не торопился. Он объяснил Марине, что сперва «должен сделать ее более-менее самостоятельной, чтобы у него не было двух зависимых детей на руках». Он заставлял Марину снимать трубку второго телефона и прослушивать его разговоры с пиццерией, со страховыми агентствами, учил пользоваться чековой книжкой и понимать присылаемые счета.

Роб стал учить Марину водить машину. Они вместе зубрили правила дорожного движения на английском языке, выписывали новые слова, ездили по полупустым парковкам еще не открывшихся гипермаркетов.

Роб уважал склонность жены к эпистолярному жанру и поэтому заказал ей через Интернет-магазин клавиатуру с английским и русским алфавитами, чтобы она могла печатать свои письма про Америку по-русски. Частенько они вместе смотрели фильмы и передачи, и он объяснял жене непонятные слова и выражения, в том числе нецензурные, записывая некоторые из них, чтобы ей проще было найти их в словаре и выучить. В такие моменты Марине было приятно, что у нее такой заботливый и терпеливый муж. Носится с ней как ювелир с алмазом!

Роб, купив атлас США, начал учить жену понимать американские карты: показывал ей горы, учил правильно читать названия городов, рек. Некоторые местечки на карте бросались в глаза. Оказалось, в Аризоне была своя «Флоренция». Кое-какие города резали слух своими названиями, которые Марина переводила для себя на русский язык: «Красное Озеро», «Иголки», «Два Пистолета», «Перидот», «Снежинка».

Роб и Марина один-два раза в неделю ездили на Соленую речку купаться, загорать, рыбачить. Отдых на природе, одним словом. Романтика!

Микроб обиды поселился в душе русской жены, когда Роб предложил ей вернуться на родину. Она поняла, что если он не хочет помогать близким ей людям, значит, на самом деле – эгоист и жмот. Марина не могла купить себе даже крем для лица, ибо Роб считал это излишней роскошью: «Зачем? Тебе всего 25 лет!» Она чувствовала себя «на коротком поводке» во всех смыслах этого слова: плохой английский, неумение ориентироваться в американском пространстве и отсутствие «своих» денег. Но Роб все-таки послал триста долларов ее семье в Ташкент – новогодний подарок. Он считал, что денежные подарки можно делать только на Рождество и на дни рождения. А ей хотелось запаковать гипермаркеты и выслать в Ташкент: так потрясло ее изобилие вокруг. Когда она мысленно покупала что-то из сувениров или одежды и отправляла на родину, ее Союзник-Хранитель тактично, но с укором выговаривал ей: «Ты

заработай сначала эти доллары, чтобы ими раскидываться! Легко быть добренькой за чужой счет! Ты хочешь слишком много и сразу».

Марине иногда казалось, что Союзник выполняет функции не только Ангела-Хранителя, но и психолога и родителя одновременно, но ни с кем не делилась своей тайной, даже с мужем. Она выяснила, что Роб не верил ни в привидений, ни в инопланетян, ни в ангелов, ни в энергии чакр, и все это называл не иначе как «лошадиным дерьмом». Он хотел жить только физической реальностью и старался разнообразить ее по-своему: завел котенка и щенка-лабрадора, аквариум с рыбками. Марина хоть и научилась за всеми ухаживать, но иногда ее раздражал факт, что муж тратил свои деньги на растения для аквариума, игрушки для животных, в то время когда жена ходила в его вещах, сама делала себе маникюр-педикюр и выпрашивала деньги на марки.

Что же касается материальной помощи брату или больному отцу, Марина не спорила с Робом о необходимости помогать ее родне, не переубеждала и больше не просила. Она улыбалась со словами: «Да, медовый! Ты прав! Ты им ничего не должен». А что тут такого? Не разводиться же от непонимания в таких мелочах, как благотворительность и любовь к близким! Живут же белые с черными, демократы с республиканцами, и ничего! И она будет жить, решила Марина, назвав мысленно себя «пластилиновой Золушкой».

Марина начала работать няней у арizonских соседей, благо муж не возражал. В этом занятии было два жирных плюса. С одной стороны, она получила доступ к американским детским книгам, читала их вместе со своей подопечной и училась воспринимать на слух американскую детскую речь. С другой стороны, она могла укрывать часть своего скудного заработка от мужа, который требовал все заработанные ею деньги бросать в общий семейный котел. Так в раю поселилась ложь.

Глава тринадцатая

Антон и его ангел-хранительница

Следователя Василия раздражало многое. Тараканы в доме, где они жили, как селедки в банке. Иммигранты-соседи. Некоторые, в том числе Игорь, покинувшие СССР из-за проблем с законом. Чистки унитазов бесили. Василий не за тем табельное оружие сдал и приехал в Америку, чтобы год торчать на этой работе! Мысленно он видел себя в каком-нибудь строительном или малярном бизнесе: это было интересно и не так, на его взгляд, позорно, как работать «горничным» в гостинице.

Спальный район, в котором они жили в доме Скопцовой-Фишер, был построен в негустом лесном массиве. Вокруг – одноэтажные домики и лес. Чтобы дойти до ближайшего магазина, нужно было минут сорок топтать пешком.

Благо, фастфуд ресторанчик находился на «плазе» с разными магазинчиками и кафешками. Один назывался «Армия спасения», и там нелегалы одевались и обувались в секонд-хенде. Низкие цены и качество поражали, как и факт, что иногда можно было купить совершенно новые вещи с бирками за пару долларов, а в ношенных джинсах найти деньги. Антон и Василий открыли для себя, что размеры обуви в Америке не такие, как в России. Пришлось перемерить разные ботинки и кроссовки, чтобы понять, что российский сорок восьмой размер соответствует американскому восьмому, а российский пятидесятый размер ноги – десятому американскому.

В один прекрасный день Василий пошел отправить деньги в Россию. Он каждую копейку высылал домой, чтобы по возвращении купить квартиру и открыть бизнес. Разговаривал по телефону по-русски с получателем валюты. И тут к нему подошел познакомиться русский парень: услышал родную речь, не удержался. Слово за слово, оказалось, что оба из одной области, из одной и той же деревни. Василий не мог поверить своей удаче! Он встретил того самого свояка-другана Вадима, который, оказывается, и понятия не имел, что в Америке его кто-то ищет.

Вадим на тот момент жил в Индианаполисе, а в Цинциннати был проездом, ехал с контракта, случайно зашел в магазин купить сигареты и продукты. Они обменялись телефонами и расстались. Василий не мог поверить своей фортуне. Когда он вернулся домой, к иммигрантам – селедкам в банке – и тараканам, оказалось, что Антон слинял как мартовский кот, к русским иммигранткам, в другой дом Скопцовой-Фишер, но в том же спальном районе, погреть свои одинокие мужские душу и тело.

На самом деле Антона интересовали женщины черные-желтенькие и в полосочку. Русские у него в России были, и он знал, «с чем их едят». Но, поскольку у него не было ни машины, ни языка, ни знания мест, где можно снять американских проституток, приходилось довольствоваться русскими.

Игорь, познакомив Антона с русскими нелегалками, предупредил его, что переспать с некоторыми можно всего за двадцать долларов. Но Антону было стыдно так приbedняться, и он оставлял пятьдесят долларов за страстную ночь. Вскоре некоторые женщины стали ценить свои услуги дороже, а парням-иммигрантам вроде Игоря это было не по нутру. Зачем он будет пятьдесят долларов отдавать за секс-кордебалеты, если ему нужно за них десять часов в фаст-фуде отработать? Десять! Эта никому не нужная щедрость разозлила антоновских соседей по хате. А как же мужская солидарность? Надо было избавляться от «Бати», а то обнаглел вовсе. Учит их жить, кому и сколько платить за услуги, грамотей какой нашелся!

План мести придумывать не пришлось. Все произошло естественно, как утилизация порванной булки в мусорное ведро. Мадам Скопцова-Фишер пришла проверить, как живут

ее иммигранты-работнички. Цокая каблуками, она прошлась по дому. И не поверила своим глазам: в одной из спален на подоконнике стояла коллекция детских игрушек – собственность ее забегаловки! Эти игрушки нужно класть в детские заказы с едой, а не воровать! Игорь был коллекционером этого барахла. Но признаться в этом разъяренной хозяйке он не мог. Ложь пустилась танцевать если не фламенко, то чечетку: вором был назван Антон. Благо, он был у русских женщин в гостях, Буратино богатенький! Благородный окучиватель!

Миссис Фишер позвонила мужу-полицейскому, мистеру Фишеру, и поставила его в известность, что одного из нелегалов нужно арестовать за разворовывание казенного, ее личного, имущества. И определить в иммиграционную тюрьму в целях депортации.

Василий молча наблюдал за штормом и, как только взбешенная хозяйка, цокая каблуками-подковами как лошадь на скачках, удалилась, собрал по-быстрому вещи Антона и позвонил Вадиму. Через несколько часов Вадим уже увозил Антона и Василия к себе в Индианаполис, чтобы помочь землякам встать на ноги в такой чужой, но такой прекрасной стране.

Антон не сомневался в существовании своей Фортуны, с крылышками или без, своей Помощницы-Хранительницы, как не сомневался в зеленых американских купюрах, заработанных у русской бизнес-леди.

Глава четырнадцатая

От неблагодарности до перемен один шаг

1999 год. Май. Первая годовщина свадьбы. Роб преподнес жене коробочку с подарком, которую она с подозрением и без особого энтузиазма вскрыла. Марина ожидала увидеть еще какую-нибудь ерунду в виде детского чайного набора. Но подарок сразил ее наповал. Роб подарил ей пистолет. Для самообороны. И предложил научить ее стрелять в аризонских горах.

Во время кемпинга у них не было разногласий, они пришли к выводу: им повезло, что они друг у друга есть. Роб был шутником, мог строить смешные рожицы и забавно танцевать. А какие вкусные раковые хвосты он сготовил на гриле в лесу – объедение! Робу стукнул сорок один год. Марине было двадцать пять. Он учил ее стрелять из их нового пистолета. Она училась, хотя ей было это совсем неинтересно, но она же «пластилиновая». Она была уверена, что никогда не будет оружием пользоваться, и муж купил его лично для себя как очередную игрушку для разнообразия своей реальности.

Роб также решил, что может позволить себе купить дом в кредит, и счастливая парочка ждала момента, когда строительство будет завершено.

Когда Марина переросла должность бебиситтера, она «уволилась по собственному желанию». Ее соседка-ровесница, американка Кристин, имела свой малый бизнес с милым названием «Отражения». Кристин занималась уборкой новостроек. Маринина мама, услышав новости по телефону, что дочь – уборщица, сказала: «Ну, начинай с низов». Марине было обидно это слышать, как будто мама сможет приехать в Штаты и сразу доктором стать. Маринины родственники были глубоко разочарованы в ней. Их знакомые в Америке не хрючили при муже-американце с приличной профессией, а учились в колледже и осваивали нормальную специальность. А Марина не могла мужа уломать даже часть своего заработка посылать своим. То есть столкнулась с полным непониманием. С одной стороны – мужа, с другой стороны – родни.

Например, Марина и ее родственники были уверены, что с ее высшим филологическим образованием она достойна высокооплачиваемой работы переводчика, преподавателя русского языка в колледже, на худой конец – секретаря. Конечно, Марина не хотела работать в сфере обслуживания, ей казалось это низким, грязным. Она пренебрежительно относилась к официанткам, кассирам, уборщицам, доставщикам пиццы. Но ее бедноватый английский не позволял получить работу, соответствующую ее завышенным запросам и наивным, этаким розовым в крапинку, ожиданиям ташкентской родни. Без английского и хорошего американского образования приходилось начинать с низов. Нужен был опыт, любой опыт, чтоб тебя наняли, чтоб язык развязался.

«Ни в коем случае нельзя пренебрегать какой-либо работой. Все они чему-то научат», – учил жену Роб, рассказывая, как работал грузчиком, официантом, барменом, стюардом, прежде чем стал программистом.

Марина стала постигать азы уборки новостроек. Она работала в «Отражении» иногда только пять часов в день, все зависело от объекта и скорости. Первое время она была довольна: уборщицам не надо иметь дело ни с людьми, ни с деньгами, не надо вырядаться. Даже возила ее Кристин на объекты сама. У них была одна машина с Робом на двоих, да Марина и водить-то ее боялась. Идеальная на тот момент была ситуация, ведь торчать дома и смотреть телевизор часами надоеет любому.

Может ли сердце запрыгать от радости при виде мочи на свежестеленном линолеуме? Может. И душа поблагодарит бессовестного мародера, который нагадил непонятно по какой причине в новоотстроенном и благоустроенном помещении. Да здравствуют саботаж и вандализм – кому-то от этого стало хорошо! Марине! Кристин подавала специальный рапорт началь-

нику строительства квартирному комплексу, а в нем ехидно улыбалась сквозь редкие зубы кругленькая сумма за выведение мочи с линолеума. И Марине, счастливнице, шанс предоставлялся эту неприятность извести. Заработать, значит. Не доллар и не два. А десять-двадцать за пять минут работы. Не для брезгливых. Это вам не бутерброды делать, не хотдоги продавать. И главное, можно было договориться с шефиной, чтобы отдельно выписывала чек за такую работу сверх нормы. И Марина смогла даже родителям эти легкие деньги посылать за спиной мужа.

Марина слово «уборщица» ненавидела всеми жабрами-фибрами своей загадочной славянской литературоведческой души. Она возмущалась и укоряла своего Ангела-Хранителя, как тот мог позволить, чтобы она, чья дипломная работа посвящена была поэзии Н. К. Рериха, стала уборщицей в Америке и радовалась любым проявлениям вандализма? Но Союзник демонстративно молчал, то ли считал ниже своего достоинства повторяться, то ли обижался на свою подопечную за критику.

Не успела русская принцесса из Узбекистана освоить новую профессию, как Кристина решила продать свой бизнес. Это означало, что новый шеф приобретал все заключенные ею контракты, все ее оборудование, состоящее из стремянок, ведер, пылесосов, тряпок и чистящих средств, а также ее работников. И Марине, воспитанной в духе развитого социализма, предстояло получить такую капиталистическую пощечину. Но новый босс решил нанимать своих людей, и Марина лишилась работы «уборщицы на стройках». Однако она не унывала. Кристина передала Марину как Красное знамя своему другу Мэфью, у которого был свой маленький бизнес по уборке квартир, с которых съехали жильцы.

Новый начальник – это как новые туфли, никогда не знаешь, подойдут ли они тебе, пока не поносишь. Новый босс – новые правила, под которые нужно было гордым буревестникам, вроде Марины, научиться подстраиваться. Нет проблем, она – «пластилиновая»! Прежде чем она покорит Америку, ей придется самой покориться. Для адаптации.

Итак, ближе к делу. Из «уборщицы на стройке» Марина стала «домработницей». Если учитывать первую работу безиситтером, это была ее третья американская профессия. Ее задача состояла в том, чтобы все сияло: холодильник, духовка, посудомоечная машина, унитаз, ванна, раковины, зеркала. От Мэфью Марина научилась новым терминам. Если квартира требовала четыре часа вылизывания, то Мэфью называл съехавших жильцов то «куском дерьма», то «мусором».

Марина сделала выводы, что работа домработницы легче, чем труд уборщицы на стройке. При кондиционере работаешь, оплата почасовая, а значит, она не пребывала в стрессовом состоянии, как при работе на Кристина. Это надо было испытать: хозяйка бизнеса тратила время работников на выдачу оборудования, объяснения, вынос мусора, перетаскивание оборудования с одного этажа на другой и не платила за это. Только за убранные квартиры. Причем Кристина платила одинаково двадцать долларов за уборку как односпальной, так и трехспальной территории. Жадная, хитрая, капиталистическая гнида! Поэтому Марина сразу оценила плюсы работы на нового босса. И денег больше, и работенка легче.

Все объекты, преподнесенные Мэфью, были квартирами, где жили «куски дерьма». Потому что чистенькие он убирал сам: это были его легкие деньги. Отдраивание холодильников и духовок занимало много времени, и Марине удавалось «вылизывать» всего по две квартиры в день. Через два дня новый босс ее уволил. Медленно, на его взгляд, она убиралась: «Я не сделал на тебе денег». Ну и катись колбаской! Робу и Марине было уже не до ее грошей, они готовились к переезду в новый дом! До этого переезда Марина не сомневалась в адекватности мужа. Но когда он слил содержимое своего огромного аквариума в унитаз, вместо того чтобы подарить зоомагазину, и у него еще хватило совести сказать прослезившейся жене, что он дал рыбкам свободу, а она – «девочка из страны третьего мира, которая ничего не понимает», Марина многое поняла. Один сомик, сантиметров десять длиной, все выплывал, борясь с потоками воды, но в конце концов и он сдался. Марина не понимала мужа: покупали, растили,

кормили, лелеяли... И в унитаэ. Как будто долларовые купюры порвали и выбросили, не вни-мая их визжанию. Марина подумала, что если существует Ангел богатства или бог Мамона, то Роб этим своим поступком просто выбесил его донельзя и финансовые проблемы не за горами.

Въезд в новый дом с тремя спальнями, двумя туалетными, гостиной, столовой и гара-жом на две машины был для молодоженов апогеем счастья и стабильности. Для Маринино-го мужа это был первый в его жизни крупный кредит. Роб объяснил жене, что наконец они бро-сили якорь и деньги будут не на ветер выкидывать за аренду квартиры, а платить за свой дом, постепенно, ежемесячно, финансировавшему их банку. Разумеется, прежде чем получить кредит у банка, нужно было доказать, что ты кредитоспособный. Это означало, что у Роба должны были иметься работа и документация, подтверждающая сей факт. Банку-кредитору было важно знать, что в течение последних трех лет Роб работал и платил налоги, оплачивал счета и является благонадежным и ответственным членом общества. Взнос за дом был три тысячи долларов, повезло, не стали требовать десять процентов от стоимости недвижимости! Всего шесть процентов! Спасибо хорошей и стабильной кредитной истории. Марина поняла, что она со своей чистой кредитной историей не смогла бы получить кредит у банка ни на дом, ни на машину.

Марина поначалу не догадывалась, что ее американец – транжира, который слишком впи-тал в себя устои американского общества: «купи сейчас, плати потом», «быть не хуже соседа» и «что скажут родственники». Ей казалось, что все у них чудесно, поскольку всеми финансо-выми делами занимался он, то есть вел бюджет, рассчитывал, когда и кому сколько платить.

Перед въездом в дом Роб повел Марину в мебельный магазин: «В новый дом нужна новая мебель». И они взяли в кредит новые гарнитуры в гостиную, спальню, стиральную и сушиль-ную машинки, столовый гарнитур, новый ортопедический матрас за штуку баксов, телеви-зор-гигант! Марине нравилось ходить по магазинам, глазеть по сторонам. Она уже не мечтала о новых вещах, косметике, духах или сумочках и не намекала на их приобретение. Они же дом купили и мебель! О чем может идти речь?

Пока кредитная история Роба еще не показывала, что он влез в долги «по самое не хочу» с покупкой дома и мебели, он решил стать обладателем бассейна. Извилистые края, водопад, огромные валуны, ступеньки, встроенная очистительная система. Двадцать тысяч за постройку бассейна – такое удовольствие. Или двести долларов в месяц выплачивать кредит в течение нескольких лет.

Казалось, теперь, все купив, можно расслабиться, поджав хвостики и затянув пояски, и выплачивать долги как все нормальные американцы.

День Благодарения, Рождество. Роб удивил жену билетами в театр на балет «Щелкун-чик», который шел в городе Финикс. Марина узнала, что в США этот балет идет весь декабрь перед Рождеством в разных театрах страны. Марине всегда нравилась эта история – история мужчины и женщины, которая сделала себе принца из деревяшки-игрушки. Она философство-вала, что принц-то был заколдованным, превращенным в орехоколку. И любовь его сделала человеком. Любовь поистине творит чудеса.

Перед началом нового, 2000, года Роб маниакально, без отрыва на прогулки и правильное питание, работал двое суток подряд. Марине казалось это диким и было непонятно, откуда в нем иногда берется столько энергии, как будто скипидара кое-куда добавили...

На новом месте, Марина завела себе новую подругу-американку, конечно же, старше себя. Лоре было сорок, но выглядела она на все пятьдесят. Худощавая, некрасивая, с измож-денным лицом и добрыми серыми глазами. Ее дочке было всего два годика. Лора и Марина общались, у соседки тоже был лабрадор, и собаки друг играли на зеленом газоне или плес-кались в бассейне.

Лора была программистом, работала дома, но ежеквартально ездила в Лос-Анджелес с какими-то отчетами. Приближалась очередная командировка. Лора попросила Роба и Марину

ей помочь. Она хотела купить Марине билет на самолет, наняв ее в качестве няни, чтобы та сидела с двухлетней девочкой в отеле, пока Лора будет на всяких конференциях и собраниях. Марина с радостью согласилась поехать в Лос-Анджелес. Она сказала Робу, что ей надоело все время сидеть дома и хочется увидеть что-то новое, прогуляться по берегу Тихого океана, ведь Лора не откажет ей в этом удовольствии, на то она и подруга! Соседка обняла Марину и стала готовиться к поездке.

Роб несколько дней ходил хмурым. Марина слышала нудные, как цепочка мурашей на кухне, упреки в свой адрес, мол, как легкомысленно было давать согласие на поездку, не посоветовавшись с ним. Роб обижался, что упрямая жена приняла решение без него. Он рисовал ей какие-то мрачные кровавые картины, в которых она почему-то подвергалась изнасилованию, словно русская наивная жена собиралась гулять по незнакомому городу одна на свой страх и риск. Или он переживал, что она встретит голливудскую звезду и бросит его? У Марины таких высоких планок и целей – стать актрисой в Америке – в жизни никогда и не было. Роб обиделся, когда она искренне сболтнула, что хочет отдохнуть от него и домашних дел. Домашних дел ей хватало. И связаны они были в основном с домашними животными.

У лабрадора Шока обнаружилось заболевание ушей, которое перешло в хроническую форму, и каждые шесть месяцев Марине приходилось возить его к ветеринару, покупать какие-то капли, проводить курс лечения. Уши у пса чесались, он мог потрясти головой и расплескать брызги крови по стенам нового дома. Всякий раз, когда она с раздражением и жалостью к себе брала в руки тряпку и оттирала кровь со своих белых стен, Ангел-Хранитель тихонечко приговаривал: «Оттирай, Мариночка-хозяйюшка! Ты же за этим приехала в Америку, за неординарной жизнью? Вот тебе, угощайся, кровь собачью со стен нового американского дома оттирай, притворись, что это фитнес, типа сжигание калорий!»

Можешь не сомневаться: ни у одной из твоих подруг в России и Узбекистане нет домов с бассейном и водопадом, и долгов у них меньше, чем у тебя, и жареные кактусы они тоже не едали, но собачью кровь со стен точно не оттирают! Алисе в стране чудес, оказавшейся на другой стороне земного шара, такое удивительное занятие и не снилось! Ты действительно избранная».

Черт Марину дернул подобрать второго котенка. Сама от паразитов отмывала, возила на прививки. Кошку назвали Бандиткой, и Роб тренировал ее своим способом: засовывал голову малышки себе в рот, чтобы кошка усвоила, что он – вождь стаи. Но это не сработало. Бандитка мстила: справляла нужду и в коробку с песком, и на ее края, и на кафельный пол рядом, метила подушки, коврики в ваннных комнатах и покрывала на постелях. И операция-стерилизация за сто долларов не помогла!

А Жасмин, кошка, которую они купили несколько месяцев назад, от ревности сходила с ума. Она обжиралась кошачьей едой, потом срыгивала ее, и не куда-нибудь на кафельный терракотовый пол, а на диван, на перину, на ковер! Марина запарилась за всеми ухаживать, перестирывать и убирать. Столько времени – всем ее животным, вместе взятым, под хвост!

Кроме того, Роб научил жену вести всю домашнюю бухгалтерию. В Ташкенте этим занимался папа, но и у него не было такого количества бумажек, счетов и квитанций! Банки и кредиторы присылали рапорты и счета раз в месяц, а Марина все бумаги прилежно сортировала. Все квитанции от покупок в магазинах она раскладывала по конвертам и разным папкам. Например, если у них не было квитанции на купленный компьютер, то и ремонт бесплатный в течение двух-трех лет не полагался. С чеком из магазина можно было всегда вернуть покупку. Марина заметила, что Роб свалил на нее все дела, включая уход за животными, домом и учет счетов. Она выразила мужу свое недовольство, на что американец-мечта с ледяным спокойствием ответил: «Не жалуйся, что я потратил время на то, чтобы всему тебя научить, и заставляю быть самостоятельной. Когда я сдохну, ты будешь идеальной женой для своего второго мужа».

...И вот настала долгожданная ночь, когда Лора должна была заехать за соседкой и – свобода, аэропорт, вперед мочить ноги в Тихом океане! Марина смаковала эту мыслеформу, благодаря своего Исполнителя желаний, правда, в логике его действий она иногда сомневалась.

Когда они ложились спать, Роб заявил: «Если с тобой в поездке что-то случится, мне твои родители не простят». Он, наверное, хотел пробудить в жене страх или угрызения совести.

Марина помнила свое детство неплохо: мама иногда по путевке уезжала отдыхать одна или с ней куда-то, без папы. И ей было странно, что Роб чисто эгоистически был против ее отпуска!

Марина уснула с предвкушением праздника: в пять утра должна была приехать Лора. Но, как на зло, в два ночи Роб разбудил ее жалобами на боли в животе, понос и рвоту, потливость, жжение. Он раздраженно сделал предположение, что она его отравила. Откуда в нем такой негативизм? Марина молча проглотила обвинение как полынную настойку, потому что не знала, как правильно высказаться по-английски, что убивать ей мужа невыгодно по всем параметрам и раскладам.

Во-первых, Роб не имел страховки жизни. То есть в случае его смерти ей никакой суммы страховая компания бы не выплатила. У нее вообще бы не было денег его хоронить, не говоря уже о том, чтобы оплачивать их многотысячные счета.

Во-вторых, у Марины еще не было гринкарты! Да, документы Роб отослал в иммиграционный департамент Аризоны, но им пришло извещение, что три года ей придется ждать интервью. И нужно каждый год покупать рабочую визу, чтобы получить личный номер и водительские права. Может, Роб что-то сделал не так, когда заполнял анкеты? Все ее знакомые и знакомые знакомых, которые вышли замуж за американцев, получили временные гринкарты, действительные два года, и чувствовали себя более-менее защищенно.

В-третьих, зачем Марине травить мужа, когда она его любит! Ну, не так, чтобы боготворит – любит-обожает и готова умереть с ним в один день, а просто *любит*, хочет от него детей. Когда они проводили вместе время, он много шутил и им было весело. Она любовалась его фигурой и чертами мужественного лица. Чаще всего он торчал в своем виртуальном мире и не мешал ей жить, учить английский, смотреть телевизор, читать и писать, заводить новых знакомых среди соседей.

И как у Роба язык повернулся обвинить Марину в таком преступлении? Она что, идиотка? Пилить сук, на котором сидит? И не собака бешеная, чтобы кусать руку, которая ее кормит. Сам бы он так поступил? Или в его жизни попадались женщины-предательницы? И он это недоверие переносит на нее?

Роб pokrылся потом, лег на терракотовый ковролин в гостиной, замкнул свои конечности в позе эмбриона. Посиневшие губы прошептали о странном жжении в горле и руках. Марина набрала девять-один-один, медленно объяснила диспетчеру, что у мужа инфаркт, и продиктовала адрес. В том, что у мужа инфаркт, она не сомневалась. Она же дочь врача, выросла в семье, где в тихой семейной обстановке не раз рассказывались мрачные врачебные истории в стиле Эдгара По, кто от чего в больнице или у знакомых умер. Запал ей в память странный случай, когда мужчина пожаловался жене, что его беспокоит жжение в руках и горле, мол, отдохнуть приляжет, прилег – и умер от инфаркта!

Марина позвонила Лоре, сопровождая мужа в машине скорой помощи, и отменила свой отпуск. Они очень быстро оказались в реанимации. Как только Роба переложили с носилок на твердую койку, агония вцепилась в него: он выгнулся дугой, словно пытался сделать позу йоги – «мостик», побледнел, будто его выбелили в растворе хлорки. Сердце программиста перестало биться, но электрошок и лихорадочные молитвы русской жены вернули его в реальность.

Подруга Лора, отменив свой рейс в Калифорнию, приехала за Мариной в больницу, оставив с другой соседкой свою двухлетнюю дочь. Среди ночи!

Врач подошел к Марине и Лоре, и стал забрасывать их медицинскими терминами на английском языке, как террорист – гранатами. Мозг русской жены сразу выключился, она поняла только одно: – Роб может умереть. Новая подруга выслушала непонятные термины врачей и затем простым английским языком объясняла Марине, что к чему, записав новые слова на бумажке, мол, бери словарь, переводы и просвещайся.

«Ты не только увидела агонию мужа своими глазами, но и реанимацию американской больницы. Неординарная жизнь продолжается!» – вежливо заметил странный Ангел своей обескураженной подопечной.

Марина обзвонила всех родственников мужа, своих, поехала менять масло в машине, полила цветы, убрала в доме. Роб, придя в себя, шутил, что, когда у него был сердечный приступ, у жены случился «мозговой приступ». Он высказал жене мысль, что, когда один из супругов заболел, другой обязан ежесекундно находиться с ним в палате. И даже подмывать вместо медсестры в случае необходимости. После этой мужниной лекции Марина притворилась, что ее задавило чувство вины в связи с собственной безответственностью, и провела в больнице две ночи из трех. Это были тяжелые бессонные ночи.

Медсестра каждый час приходила измерить давление Роба, которое было 94 на 54. Не было покоя ему в палате из-за этих медсестер. Заставляя жену спать на жесткой кушетке рядом с собой, он, осознанно или нет, лишал ее сна и хорошего самочувствия. Марина покидала его рано утром, до рассвета, на пару часов, чтоб искупаться дома, поменять одежду, накормить животных. Разговаривала с машиной, просила ее не ломаться.

Робу в больницу звонили его родственники. Марина узнала, что и его мать госпитализирована, тоже с инфарктом.

Марина мысленно возмущалась. Отпуск коту под хвост! Роб все-таки нашел метод остановить ее – своим инфарктом. Он же не хотел, чтоб она отдыхала без него. Говорил, что «хорошая жена не бросит мужа ради путешествия с подругой». Марина сердилась: «Это что, значит, моя мама – плохая жена? Она без папы ездила в отпуск одна, с коллегами по работе, или с нами, детьми».

Почему? И как Роб умудрился одновременно с матерью слечь? Вкрадчивый голос Ангела-Хранителя рассеял все ее вопросы: «Роб, как по незримой пуповине, откачал энергию инфаркта у матери и этим неосознанным подключением спас ей жизнь. Взяв часть огня на себя. Правда, он не знал, что у нее инфаркт. Он позавидовал ей, ведь его отец, ее муж, никогда без нее не ездил ни в театр, ни в отпуск, ни в гости. Ему страшно и стыдно было оставлять больную женщину дома одну надолго. Иногда болезни одного супруга становятся клеткой для другого. Только грозный диагноз может помочь привязать к себе свою вторую половинку».

Марина вдохнула и выдохнула: нет времени нырять в эзотерику и парапсихологию, и, как шелуху с лука, отбросила телепатические размышления Союзника про одновременный инфаркт матери и сына. Ведь реальность поворачивалась к ней чуть ли не темной стороной Луны!

Шунтирование. Выписка. Больничный. Диета. Обожал жирную пищу ее благоверный: чипсы и мороженое, пиццу, гамбургеры. Жена не могла заставить Роба яблоко целое съесть, разве только кусочек маленький, и то если только с арахисовой пастой. Не любил он фрукты и овощи, и точка! Арахисовую пасту любил. Особенно, когда узнал, что в ней содержатся насыщенные жиры, которые способствуют понижению уровня холестерина в крови и риска развития сердечно-сосудистых заболеваний. Роб ее ел ложками, с хлебом, как все американцы, иногда с яблоком.

Когда Роб стал придирается к Марине по мелочам, недочеты во всем находить, как старый дед ворчать, она не возмущалась: понимала, что когда в семье больной человек, все перед ним прыгают на задних лапках!

Марина своим девизом объявила азиатскую поговорку: «Собака лает, караван идет». Предполагая, что она – караван верблюдов, важно и медленно шагающих по пустыне, а несчастный больной муж, который потерял статус «кормилец семьи» и «здоровый член общества», – маленькая, захлебывающаяся лаем собачонка, думающая, что как-то влияет на верблюдов. Ей повезло, что муж не умер! Ведь женщина-иммигрантка, не прожившая с гражданином США двух лет, овдовев, подлежала депортации.

Босс запретил Робу выходить на работу без разрешения лечащего врача, как будто он камнями ворочал, а не за столом сидел. Трехмесячный отпуск по инвалидности ни фирма, ни государство оплачивать не собирались. Марина стала искать работу. Настоящую. Она подсчитала, что в месяц для сведения концов с концами им нужно было две тысячи долларов: за дом, бассейн, электричество, телефон, воду, канализацию платить. Две тысячи долларов! Ее программист зарабатывал почти четыре тысячи в месяц, а сможет ли она потянуть их счета?

Роб посоветовал Марине не тратить время на бирже труда, ибо это равносильно ожиданию погоды у моря. Мол, на бирже труда проще получить работу строителям и людям, у которых уже есть в руках профессия. Она объехала с полдюжины местных кафешек и магазинов, заполнила везде анкеты о приеме на работу. Что она там писала? Опыта работы нет. Кто может о ней дать рекомендации – какой она работник – никто. Пустая биография. Кратковременные ее работенки няней или уборщицей не считались, она же работала там *под стол*, налоги не платила и даже потеряла телефоны людей, которые, может, и замолвили бы за нее словечко. В графе «Образование» она честно писала – высшее университетское из Узбекистана...

«Пакистана? Афганистана? Это где – в Африке?» – задал ей вопрос один американец, принимающий анкету. После этого Марина стала писать, что она из России. И перестала указывать свое учительское образование. Чтобы преподавать русский в университете, нужен был хороший английский. И сертификаты какие-то.

Марина нервничала, работа нужна была срочно. Она сбилась с ног в поисках. Пружинами старой железной кровати скрипел в голове вопрос: за что такое наказание? А Ангел хладнокровно отвечал: «Тебе стало скучно в четырех стенах кровь собачью отмывать? Ты хотела перемен? Я же не фея с волшебной палочкой, чтобы тыкву в карету превратить. Стараюсь как могу».

Глава пятнадцатая

Фастфуд для Марины

Устроилась бывшая учительница русского языка в ресторан быстрого питания, где нет официантов, а вся еда делается на скорую руку. Супервайзер, полный двадцатилетний паренек с серьгами в обоих ушах, сразу нашел новенькой применение, раскусив, что Марину с ее акцентом и словарным запасом на кассу ставить нельзя.

Марина стала кем? Королевой картофельного пюре! Потому что только после восемнадцати лет можно управлять аппаратом-миксером, который размешивает картофельный порошок, а большинство работников в ресторане – школьники 16–17 лет!

Загружала в огромную алюминиевую кастрюлю воду, масло и сухой порошок, и миксер все превращал в пюре, которое она раскладывала по одноразовым баночкам и закрывала одноразовыми крышечками. У покупателей был выбор, какой гарнир к курице выбрать: пюре, фасоль, макароны, салатик. И в основном люди заказывали пюре. Поэтому Марина могла из десяти-двенадцати рабочих часов потратить восемь на изготовление и расфасовку именно этого гарнира!

В первый же день Марину научили делать фирменные сэндвичи, причем все – с курицей. Когда кассир выкрикивал заказ, она ляпала сэндвичи и заворачивала их в блестящую бумагу. Иногда кассир, нахватавшись руками денег, тоже делала сэндвичи. Марина никогда не думала, что в США бывают антисанитарные условия. Перчаток на их кухне не было! Да здравствует гепатит!

Марина теперь могла не беспокоиться о еде и напитках на рабочем месте. Выбор был широкий: два вида холодного чая, кофе, лимонады, фильтрованная вода, кола, спрайт. На ланч забегаловка куриная не закрывалась, а работники перекусывали на ходу.

Все работники имели право бесплатно есть ресторанный пищу раз в день, после того как хотя бы четыре часа проработали. Но все, по наблюдениям Марины, ели больше и чаще. Злоупотребляли своим положением! Коррупция, она начинается с малого.

Марина чувствовала себя как на крыльях, вроде куриных. Столькому научиться пришлось! Правда, зарплата была в 2000 году пять баксов и семьдесят пять центов в час без вычета налога... Курам на смех, выражаясь по-русски! Но в том заведении курам было не до смеха, потому что там знали, как их приготовить.

Марина сэкономила на еде для своих домашних животных. Пережаренное или уроненное на пол подлежало утилизации. И, засунув гордыню куда подальше, она поднимала и откладывала отходы в течение рабочего дня и потом тащила собачке Шоку, кошкам Жасмин и Бандитке булочки, куриные ляжки и грудинки.

Когда Марина валилась с ног от усталости, Ангел-Хранитель дружелюбно ее поддерживал: «Кормилицей стала ты, кормилицей! Содержишь мужа-американца, возишь его на физиотерапию. Можно сказать, русская жена – глава семьи».

Один из сотрудников-подростков покусывал ее каверзными вопросами: «Твоя собака еще не сдохла от инфаркта?», «Твоя собака еще не разжирела на неправильной еде?», «А ты тоже ешь эту еду с пола?»

Марина размышляла, что Роб ее был молодцом: подготовил как-никак к самостоятельной жизни. Ведь она не растерялась, когда он загибался, смогла позвонить девять-один-один, внятно по-английски сказала свой адрес, какие симптомы у мужа. Если бы не она, он бы умер от инфаркта. Сам бы он не вызвал «скорую» ни за что. Так что, вытащив ее из Узбекистана, Роб не выбросил деньги на ветер, а вложил в свою жизнь. А тот факт, что он научил Марину водить машину и ориентироваться в американском пространстве, спас его от банкротства. Ведь она

садилась за руль и ехала на работу! По пятьдесят-шестьдесят часов в неделю на ногах выстаивала! Это вам не рассказы со статейками писать для иммиграционных сайтов на тему «как лучше потратить деньги, заработанные мужем, в тех или иных кризисах!»

На работе в куриной забегаловке ей не только бесплатная еда и отбросы доставались, но и форма. Так что Марина занасивала ее во имя всех зажаренных цыплят.

Поначалу Марина приходила домой и лежала на диване у телика с поднятыми кверху ногами, не в силах раздеться и принять ванну. Боли в ногах и спине были невыносимыми. По ночам ее беспокоили судороги. Ступни от непривычного стояния так ломили, словно свой русалочий хвост она променяла на ноги и стала ходить по бритвам. Ведь ради своей любви к принцу (или Америке?) на что только не пойдешь.

А сны снились одни и те же, будто она снова в своем ресторане: картошка, булочки, курочки... и сотрудники... Работали дружно. Только за ночные часы ей никто не платил, а просыпалась она измученной, не отдохнувшей.

Марина не понимала, почему притягивала негатив: ситуации и людей, которые ей неприятны. У нее всегда было презрительное отношение к работникам ресторанов любого ранга. И что же? Ее взяли работать именно в такое заведение. У нее был неисчерпаемый запас презрения к американским подросткам. Так вот, ее угораздило попасть в молодой коллектив, девяносто процентов которого составляли школьники и студенты от шестнадцати до восемнадцати лет. Марина «имела честь» ежедневно общаться с ними и узнавать об их жизни. Иногда она задавала вопросы ребятам, познавала для себя американские порядки школ и колледжей, подростковой жизни. Она поражалась, что в ее собеседниках не было ни капли любознательности, они не спрашивали русскую о ее родине, о советских школах, почему она вообще ими интересуется. Отвечали как на допросе. Марина выяснила, что на домашнюю работу у ее сотрудников часто времени нет, но это не главное, они очки набирают, осваивают профессию где-либо, это им школы аризонские засчитывают. Ей, конечно, воскликнуть хотелось: «Да я в вашем возрасте книги умные читала, по театрам ходила!» А американские школьники могли бы парировать: «Ну и что, а мы зато от родителей лишнюю копейку не отрываем».

Смешно было наблюдать, как подростки могли нацепить тонкие дешевые золотые цепочки и носить их поверх своей формы, заляпанной жиром и мукой... Контраст. Марина всегда с безразличием относилась к людской безвкусице, но тут эти дети в грязных футболках ресторана, кепках и с болтающейся бижутерией вызывали в ней чувство... хорошего настроения и умиления.

Также у Марины всегда была неисчерпаемая ненависть к тараканам. Увидев насекомое, она начинала кричать: «Таракан! Убей его!» Так вот, ее угораздило попасть в тараканий рай. Марина в конце концов так привыкла к ним, что научилась не только давить гадов ладонью, но и игнорировать их, пробегающих мимо, и не трогать вообще. Новая работа сняла с девушки один из страхов перед этими международными насекомыми. Закрывать куриную забегаловку за антисанитарные условия, закрыть!

Марина пришла к выводу, что ей тяжело работать в молодом коллективе, после восьми часов работы все начинало раздражать. Она узнала, что такое, когда трясет от негодования, стресса, усталости.

Если жизнь – это театр, то работа в курином ресторане – плохая роль... Марина же думала, что она принцесса на горошине, а ее вместо горошины судьба посадила черт знает на что. Она не зарабатывала двух тысяч в месяц. А всего лишь одну тысячу. Слава Богу, у них были сбережения! Марина вспоминала, как пилила Роба на счет помощи родне, а он не хотел никому помогать, откладывал деньги для покупки дома и в их пенсионный фонд. Не на черный день, а на старость. Тогда она не понимала, зачем сбережения делать, если давать – хорошо, сторицей Бог вернет другим образом, как американские пасторы проповедовали.

Роб закрыл пенсионные счета, и благодаря этим суммам кредиторы не отняли их новый дом. А Марина поняла, что ее муж не жадноватый и эгоистичный, а дальнзоркий, практичный и умный. Хотя, может, и не совсем. Ведь если бы он был дальнзорким, то не покупал бы большой дом с бассейном в кредит и новые спальные гарнитуры? Почему он никогда не думал, что с ним что-то может случиться, а жене будет не потянуть огромные кредиты?

Несколько месяцев ощущались бегом с препятствиями. Роб поправился и вышел на работу. Жене не пришлось больше выстаивать по десять-двенадцать часов в сутки.

Помимо инфаркта и новой освоенной профессии поваренка в фастфуде, Марину продолжали трясти перемены. Неоперабельный рак кишечника прописался в организме ее отца, и врачи предсказали ему жить всего три месяца. Марина собиралась на родину повидаться с отцом до его смерти. В куриной забегаловке неоплачиваемый отпуск на два месяца ей дали без проблем, а муж закрыл последний пенсионный счет, чтобы купить авиабилеты жене.

Пообщаться с папой не удалось: отмучился до приезда детей.

За несколько дней до вылета Марина по телефону сообщала маме свой номер рейса. Папа тоже взял трубку и стал что-то дочке говорить. У него был очень слабый голос, она не расслышала слов. Но поскольку Марина была уверена, что увидит его через пару дней, она не попыталась переспросить, вслушаться в слоги, расчлененные болезнью. Она притворилась, что все поняла, с легкостью выпалила: «Да, да, ну пока!» Ей не казалось тогда важным услышать его и понять. А он скоростижно умер, и Марина даже на похороны не успела.

Люди не знают, когда Смерть украдет у них дорогих им людей, как бы ни пытались предсказывать экстрасенсы и врачи. Папе обещали жить три месяца, а он сгорел за три недели! Как важно услышать и понять любимого человека и быть готовым к тому, что этот разговор может оказаться последним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.